

БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»
Научно-методический отдел

12+

ПРОВЕДЕНО В ПРИШВИНКЕ

Сборник библиотечных сценариев

Выпуск 13

Орёл
2020

БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»
Научно-методический отдел

12+

ПРОВЕДЕНО В ПРИШВИНКЕ

Сборник библиотечных сценариев

Выпуск 13

Орёл
2020

ББК 78.38

П 78

«Проведено в Пришвинке» : сборник библиотечных материалов / БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина» ; составители Т. Н. Чупахина, А. Г. Ноготкова. – Орёл, 2020. – Выпуск 13. – 50 с.

В очередной сборник «Проведено в Пришвинке», посвящённый 75-летию Великой Победы, включены материалы в помощь проведению мероприятий военно-патриотической тематики.

Адресован руководителям детского чтения – как библиотекарям, так и педагогам.

Рекомендовано к печати редакционно-методическим советом БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»

Ответственный за выпуск: И. А. Никашкина, директор БУКОО «Библиотека им. М. М. Пришвина»

Составители Т. Н. Чупахина, заведующий научно-методическим отделом, А. Г. Ноготкова, ведущий методист научно-методического отдела

Компьютерная вёрстка: А. Г. Ноготкова, ведущий методист

Оглавление

Чупахина Т. Н. «Память сердца». Мастерская жизнетворчества	8
Ноготкова А. Г. Эдуард Веркин, «Облачный полк». Музей проживания книги	12
Колодко Г. В., Сорокина М. Н. «900 дней мужества»: исторический час, посвящённый Дню воинской славы России – Дню снятия блокады Ленинграда (27 января).....	18
Аничкина Е. М., Сорокина М. Н. Читаем детям о войне. Патриотическая акция	25
Приложения	31

«Память сердца» Мастерская жизнетворчества

Чупахина Татьяна Николаевна
заведующая научно-методическим отделом

К новым форматам организации читательской деятельности относятся и так называемые Мастерские жизнетворчества, направленные на развитие творческого чтения. Задача такой Мастерской – **создание условий для интеллектуального и эмоционального сотворчества по определённой теме**. Авторские разработки по организации такого формата представлены в книге профессора Вятского государственного университета (г. Киров), заслуженного учителя России, автора серии проектов по продвижению чтения Елены Галицких «Чтение с увлечением: мастерские жизнетворчества» (издательство «Библиомир», 2015).

Одна из Мастерских Елены Галицких носит название «Память сердца». Целью проведения этой Мастерской является пробуждение у читателей эмоциональных впечатлений о подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны средствами литературы, кино, музыки, живописи и других видов искусства.

Как говорить с сегодняшними юными о войне не формально? Как вызвать эмоциональное сопереживание, чтобы у каждого возникло желание **знать, понимать, сопереживать и помнить?** Как научить помнить о великом подвиге народа не только интеллектуально (хотя и это очень важно!), но и эмоционально? На эти вопросы мы и стараемся ответить в ходе творческого занятия. Сегодня мы предлагаем алгоритм его проведения, который вы можете использовать с разными аудиториями и разными возрастными группами. Скажу лишь, что мы провели такую Мастерскую дважды с нашими коллегами из муниципальных детских библиотек в рамках мероприятий по повышению квалификации.

Сначала – погружение в тему, в соответствующее настроение. Для этой цели мы использовали видеоролик с исполнением песни «О той весне...», слова и музыка Елены Плотниковой, руководителя детского ансамбля «Мультикейс» (г. Москва).

Ход Мастерской жизнетворчества «Память сердца» распределяется на несколько этапов.

1-ый этап: Активизация долговременной памяти

После просмотра клипа все участники Мастерской делятся на 2-3 группы (в зависимости от общего количества), каждая группа получает карточку с заданием. Сначала каждый член группы отвечает на вопросы анкеты, а затем группа предъявляет всем итоговый групповой результат работы.

Задание:

*Ваша любимая песня о Великой Отечественной войне;

*Произведение о Великой Отечественной войне, которое произвело на Вас наиболее сильное впечатление;

*Ваш любимый кинофильм о Великой Отечественной войне;

*Событие Великой Отечественной войны, которое Вы считаете особо значимым;

*Какие крупнейшие памятники в Российской Федерации, связанные с Великой Отечественной войной, Вы знаете?

*Какие памятники в Орле и Орловской области, связанные с Великой Отечественной войной, Вы знаете?

2-ой этап: Обращение к портретной фотографии

Занятие в Мастерской продолжается с обращения к портретной фотографии участника Великой Отечественной войны. Фотография выбирается по усмотрению ведущего. Перед тем, как группы приступят к работе с этой фотографией, ведущий читает стихотворение Ю. Визбора «Военные фотографии».

Далее на экран выводится фотография участника Великой Отечественной войны Ивана Тимофеевича Любушкина.

Задание:

* описать по портрету внешность человека

* «придумать» его довоенную биографию

* разгадать его характер и судьбу

После выступления каждой группы ведущим зачитывается отрывок из настоящей биографии И. Т. Любушкина (сборник детского творчества «Город Орёл: моё открытие» по итогам областного конкурса детского творчества, посвящённого 450-летию города Орла, творческая работа Кожухова Матвея, победителя конкурса в своей возрастной категории, 2016 г.)

Танкист Иван Тимофеевич Любушкин – танковый ас, командир танка Т-34, гвардии старший сержант, затем гвардии лейтенант, Герой Советского Союза. На его боевом счету 20 уничтоженных танков противника, он героически проявил себя в танковом сражении под городом Мценском октября 1941 года, лично уничтожив девять танков и до роты пехоты противника.

Уже 10 октября 1941 года специальным Указом старшему сержанту Ивану Тимофеевичу Любушкину присвоили звание Героя Советского Союза.

Вскоре Ивану Любушкину было присвоено звание лейтенанта, он стал командиром танка. Отличный командир, Любушкин был ещё и прекрасным стрелком из танковой пушки.

Несмотря на то, что Любушкин был застенчивым, он очень любил плясать и делал это умело и красиво. Тут, как и в стрельбе, ему не было равных.

июня 1942 года в ожесточённом бою у деревни Муравский Шлях под городом Ливны бесстрашный танкист пал смертью героя, сгорел в танке. В

своем последнем бою он уничтожил три танка врага. Было тогда Ивану Любушкину всего двадцать четыре года.

В работе Матвея Кожухова приведены воспоминания об Иване Тимофеевиче Любушкине его сестры Антонины Тимофеевны: «Ваня родился в деревне Садовой Мучкапского района Тамбовской области. В детстве был скромным, стеснительным, но в то же время и очень подвижным ребёнком. Любил играть в войну и при этом хотел обязательно быть командиром. Учился до четвёртого класса в родной деревне, семилетку окончил в селе Сергиевка. Мама умерла рано, отец женился вторично. Семья была большая, семь человек детей. Часто даже не в чем было идти в школу. Но всё же Ваня старался не пропускать занятий и учился хорошо. После школы уехал в Тамбов, работал там на кирпичном заводе. В армии служил в танковой части (пригодился его опыт работы трактористом в деревне), окончил школу младших командиров, ну а потом началась война. Больше я его не видела».

В память о герое-танкисте улица в г. Ливны Орловской области, Сергиевская средняя школа Мучкапского района Тамбовской области носят его имя. В школе создан музей, где собраны материалы о славном воспитаннике школы. На месте совершения подвига и месте гибели установлены памятный знак и памятник, бюст героя установлен на мемориальном комплексе танкистам-гвардейцам во Мценском районе Орловской области.

Задание:

* Как связана история Великой Отечественной войны с историей вашего города (села, деревни). Какой вклад в Великую Победу внесло то поселение, где вы живёте?

Знаете ли вы имена и фамилии односельчан – героев Великой Отечественной войны? Расскажите о военном подвиге одного из них.

Как сохраняется память о Великой отечественной войне в вашей семье?

3-ий этап: Война в книгах. Чтение и эмоциональное восприятие художественного текста

О Великой Отечественной войне, в том числе для детей, написано множество прекрасных произведений. Пронзительно писал о Великой Отечественной войне советский писатель Юрий Яковлев. В 2017 году исполнилось 95 лет со дня его рождения. На военную службу Юрий Яковлев был призван в ноябре 1940 года, служил в зенитно-артиллерийском полку – занимал должность химинструктора. В годы Великой Отечественной войны был артиллеристом-зенитчиком, участвовал в обороне Москвы, получил ранение. Всю войну был активным военкором газеты «Тревога». Уже после войны был награждён орденом Отечественной войны II степени (6.4.1985).

Война, кроме всего, связана и с личной трагедией писателя: его мать умерла летом 1942 года в блокадном Ленинграде. Чувством вины перед матерью проникнут пронзительный рассказ Юрия Яковлева «Сердце Земли».

Участникам Мастерской предлагается прослушать этот рассказ, в котором участник войны рассказывает о подвиге любви своей матери,

погибшей в блокадном Ленинграде. Елена Олеговна Галицких рекомендует читать этот рассказ без комментариев и анализа – настолько велика его эмоциональная сила, поднимающая накал чувств каждого слушателя.

(чтение ведущим рассказа Юрия Яковлева «Сердце Земли» (в сокращении)).

«Я никогда не называл свою мать матерью, мамой. У меня для неё было другое слово – мамочка. Даже став большим, я не мог изменить этому слову. Я пытался называть ее «мама», но с губ помимо моей воли слетало всё то же ласковое, детское – «мамочка».

Последний раз я произнес его на мокрой от дождя платформе, у красной солдатской теплушки, в давке, под звуки тревожных гудков паровоза, под крик команды «по вагонам!». Я не знал, что навсегда прощаюсь с матерью. Не знал, что с матерью вообще можно проститься навсегда. Я шептал «мамочка» ей на ухо и, чтобы никто не видел моих мужских слез, вытирал их о её волосы... Но когда теплушка тронулась – не выдержал. Забыл, что я мужчина, солдат, забыл, что вокруг множество людей, и сквозь грохот колёс, сквозь бьющий в глаза ветер закричал:

– Мамочка! Мамочка...

Но она уже не слышала.

У меня не сохранились мамины письма. Я не запомнил их наизусть, хотя перечитывал десятки раз. Но в памяти жива картина жизни родного дома, которая возникала из маминых весточек.

Я видел нашу комнату с большой кафельной печью. Печь горела, и из неё тянуло горячим духом смолистых дров. Дрова потрескивали, и на пол падали оранжевые угольки. Мама наклонялась и быстро, чтобы не обжечь пальцы, подхватывала уголёк и бросала его в печь. Когда дрова прогорали, она помешивала угли кочергой и ждала, когда над ними исчезнет голубоватый огонь. Потом плотно захлопывала медную дверцу. Вскоре белый кафель накалялся. Мама прижималась к нему спиной и закрывала глаза.

На ледяном ветру я видел её у печки с закрытыми глазами. Это видение возникало ночью на посту. У меня в кармане лежало письмо. От него веяло далёким теплом, пахнувшим смолистыми дровами.

Это родное тепло было сильнее ветра.

Под Новый год я увидел у себя дома ёлку. Мама подробно рассказывала в письме о ёлке. Оказывается, в шкафу случайно нашлись ёлочные свечи. Короткие, разноцветные, похожие на отточенные цветные карандаши. Их зажгли, и с еловых веток по комнате разлился ни с чем не сравнимый аромат стеарина и хвои. В комнате было темно, и только весёлые блуждающие огоньки замирали и разгорались, и тускло мерцали золочёные грецкие орехи.

Я лежал на снегу в тяжёлой каске, в шинели, затвердевшей от талого снега, а осколки снарядов гулко плюхались на землю – большие рваные куски металла. Вот один упал совсем рядом... Гори, ёлка. Мерцайте,

позолоченные орешки. Хорошо, что где-то около мамы есть островок мира, где всё по-прежнему. Тепло и спокойно. И мама в безопасном месте.

...Потом оказалось, что всё это было легендой, которую умирающая мама сочиняла для меня в ледяном доме, где все стёкла были выбиты взрывной волной, а печки были мертвы и люди умирали от осколков. И она писала, умирая. Из ледяного блокадного города слала мне последние капли своего тепла, последние кровинки.

А я поверил легенде. Держался за неё – за свой НЗ, за свою резервную жизнь. Был слишком молод, чтобы читать между строк. Я читал сами строки, не замечая, что буквы кривые, потому что их выводила рука, лишённая сил, для которой перо было тяжёлым, как топор. Мама писала эти письма, пока билось сердце...

Мама. Мамочка... ...Я глажу рукой траву Пискаревского кладбища. Я ищу сердце матери. Оно не может истлеть. Оно стало сердцем Земли».

Задание:

Опишите ваши эмоциональные впечатления от рассказа Юрия Яковлева «Сердце Земли»

Ведущий обобщает сказанное группами: Этот рассказ – настоящий реквием по погибшим в Великую Отечественную войну, по разрушенным семьям и сломанным судьбам миллионов людей. Все произведение пронизано воспоминаниями, горькими и тяжёлыми. Этот рассказ напоминает нам об ужасной трагедии, которая обрушилась на нашу Родину. Так как рассказ является автобиографическим, то во многих эпизодах мы можем проследить авторскую позицию, финальная сцена является ключевой. Здесь Яковлев приводит нас к выводу о том, что сердце матери никогда не угаснет и не истлеет, оно будет вечно любить своё дитя, хранить и оберегать. Сердце матери станет сердцем Земли.

4-ый этап (рефлексивный)

На этом этапе каждый участник Мастерской рассуждает о том, над чем он размышлял в ходе занятия, какие эмоции испытал.

Список литературы

1. Галицких, Е. О. Память сердца / Е. О. Галицких // Галицких, Е. О. Чтение с увлечением: мастерские жизнетворчества / Е. О. Галицких. – Москва, 2016. – С. 44-54.
2. Яковлев, Юрий. Сердце земли / Юрий Яковлев // Яковлев, Ю. Я. Неприкосновенный запас: рассказы / Ю. Я. Яковлев. – Москва, 1983. – С. 59-73.

Эдуард Веркин, «Облачный полк»
Музей проживания книги

Книги о войне нужны. Необходимы разные книги о войне: с горьким и страшным сюжетом, о подвиге и героизме, о поражениях и победах... Каждый писатель по-разному рассказывает историю о Великой Отечественной войне, о военном лихолетье.

Война глазами детей – какая она?

Тему детей и войны исследовали и раскрывали многие писатели. И все они подмечали, что она бессмысленна и противна человеческой природе.

Поговорим сегодня об одной книге о войне, которую заметили и выделили из целого списка современной литературы юные читатели – повести Эдуарда Веркина «Облачный полк».

Юные читатели отдали этой книге первое место на Всероссийском конкурсе на лучшее литературное произведение для детей и юношества «Книгуру». Именно у детей эта книга нашла самый живой отклик. Сложная, неоднозначная, она порой выворачивает душу наизнанку, заставляет лучше почувствовать и понять то, что было.

«А на что похожа война?» – такой вопрос задаёт один из героев повести Эдуарда Веркина «Облачный полк».

Тяжело ответить на этот вопрос тем, кто родился в мирное время и не испытал на себе всех тягот войны. И сложно ответить так, чтобы не переборщить с пафосом и геройством.

Для главного героя повести война похожа «на болезнь». Он говорит: «Всё время надо куда-то идти, каждый день, и всё время ты отчего-то просыпаешься, каждый день по пять раз просыпаешься... Короче: ты больной с распухшей головой бредёшь по снегу через вечный понедельник. При этом понимаешь, что вторника может и не случиться».

«Облачный полк» – современная книга о войне и её героях, книга о судьбах, о долге и, конечно, о мужестве жить. Отсутствие «геройства», простота, недосказанность, обыденность войны ставят эту книгу в один ряд с лучшими произведениями XX века.

Писатель представляет новый взгляд на тему войны. Доверяет нам своё понимание того, что происходит и будет происходить с нашим ощущением событий «до войны», «во время войны» и несколько десятилетий спустя.

Известный московский журналист Шамиль Идиатуллин сказал о повести следующее: «Облачный полк» необходимо прочесть каждому, кто читает по-русски».

Мы не являемся первооткрывателями новой формы библиотечной деятельности – Музея проживания книги, мы воспользовались опытом российских библиотекарей. Только выбор свой остановили на повести Э. Веркина «Облачный полк».

Что же это за форма деятельности такая – Музей проживания одной книги?

Музей проживания одной книги – это:

- коллективная работа и знакомство с книгой;
- работа с текстом с применением предтекстовых, текстовых, послетекстовых стратегий понимания текста;
- работа с информацией, полученной при прочтении текста;
- ведение открытого диалога по проблемам, волнующим читателя;
- всестороннее изучение событий, предметов;
- исследовательская деятельность, раскрытие значимости и практического смысла прочитанного.

Музей проживания одной книги – это музей-мастерская. «Экспонатами» такого музея могут быть как работы, выполненные в разных техниках, так и рецензии, критические статьи, письма, написанные читателем автору или герою прочитанной книги и т.д. В музейной экспозиции могут быть любые предметы, имеющие непосредственное отношение к тексту. Работы могут выполняться как коллективно, так и индивидуально.

Итак, создание музея одного произведения – это мотивация к самосовершенствованию, развитие творческих личностных качеств, развитие навыков работы в команде, (планирование, распределение функций, взаимопомощь, взаимоконтроль), умение находить множество способов решения проблем и навыков публичных выступлений в роли экскурсовода.

Необходимые материалы для формирования Музея проживания книги по повести Э. Веркина «Облачный полк»:

Повесть «Облачный полк» Э. Веркина – 3-4 экземпляра – для использования в процессе изучения, прочтения;

Книги из фонда библиотеки о партизанской войне. Мы использовали книги о партизанах Орловского края – для создания экспозиции;

Иллюстрации, фотографии военных лет – для использования в процессе создания экспозиции;

Справочная литература: словари, справочники, энциклопедии – для использования при составлении текста экскурсии;

Возможность выхода в Интернет, листок с подготовленными сопутствующими ссылками на определённые интернет-источники;

Карандаши, краски, фломастеры, ножницы, скотч, клей, кисточки, подставки для книг, кнопки и скрепки, указки, декоративные элементы – всё то, что поможет оформить зал с экспонатами.

1.Подготовительный этап.

Рассказ о технологии, объяснение правил и задач;

Команды получают «Памятку экскурсовода» и «Инструкцию по созданию музейного экспоната».

Памятка экскурсоводу

Подготовьте устное выступление (экскурсию по своей экспозиции, своему экспонату).

- составьте рассказ об экспонате (экспозиции);
- составьте план своего выступления;

-вставьте в свой рассказ эмоциональные моменты текста, над которым вы работали;

- старайтесь использовать эмоции, логику, чтобы слушатели «пошли» за вашими мыслями;

-будьте готовы к вопросам, которые вам могут задать «посетители» экспозиции

Инструкция по созданию музейного экспоната

1.Прочитайте внимательно отрывки из повести Э. Веркина «Облачный полк» (у каждой команды свои тексты);

2.Найдите в книге представленные отрывки, сделайте закладки (в конце каждого отрывка указана глава и страница);

3. Используйте дополнительные материалы для подготовки экспозиции;

4.Оформите экспозицию, используя декоративные элементы, отрывки и высказывания из повести, иллюстрации, книги;

5.Проведите экскурсию по представленному экспонату.

2 этап:

Небольшая презентация по теме;

Можно показать отрывок из документального фильма о Великой Отечественной войне или отрывок кинофильма по представленной книге.

Презентация или отрывок из фильма поможет настроить участников на процесс игры, создать эмоциональный фон.

3 этап:

Деление на команды, обозначения (название команды) команд;

Внутри команды игроки распределяют обязанности, выбирают экскурсовода или экскурсоводов.

4 этап:

Раздача материала командам для выполнения заданий;

Каждая команда получает пакет документов для выполнения задания.

5 этап:

Запуск игры: работа с текстом, с дополнительной информацией. Каждая команда работает по своему направлению;

6 этап:

Рефлексия: оформление каждой командой своего зала, своей экспозиции. Проведение экскурсии.

Беседа о проведённом мероприятии, отзывы.

Повесть «Облачный полк» – это развёрнутое и подробное описание партизанской жизни: быт и кухня, тактика ведения партизанского боя, и даже хобби – рыбалка, чтение книг, вязание и шитьё.

Поэтому мы решили, что у нас будет три зала с экспозициями:

Зал «Партизанский быт»,

Зал «Партизанская слава»,

Зал «Тактика и стратегия партизанской войны».

Участников делим на три команды, в соответствии с количеством музейных залов.

В каждой команде выбирают экскурсовода.

Давайте совершим экскурсию в один из залов нашего музея и познакомимся с заданиями, которые будут выполнять участники игры.

Работать будем с залом партизанской славы.

Участники получают пакет документов. (*Приложение 1*)

В фонде библиотеки всего два экземпляра повести Э. Веркина «Облачный полк». Поэтому мы сделали выборку по каждому персонажу, указали главы и страницы. Участникам нужно прочитать отрывок, найти этот отрывок в книге, используя подсказки (номер главы и страницу), вложить закладку. На основании представленных отрывков описать героя. Подготовить экспозицию об этом герое, используя повесть и дополнительную литературу.

Главные персонажи повести:

Саныч. Саныч – это прототип Леонида Голикова, юного партизана, Героя Советского Союза. В повести Саныча только дважды называют по имени – Лёнкой, а по фамилии – Голиков, командир отряда обратится к нему лишь однажды, в самый трагический момент, когда большая часть отряда погибла, а оставшиеся пытались оторваться от преследующих их немцев.

Алексей Ковалец. Около 20 лет. Член партизанского отряда. В мирное время работал плотогоном (помощником сплав-мастера). Учился в одной школе с Санычем (на несколько классов старше). В школе имел прозвище Плавунец. Смелый и отчаянный партизан, при случае заботливо приглаживающий волосы фронтовой расчёской. В перерывах между боевыми операциями ухаживал за Алевтиной, достал для неё в подарок павловопосадский платок. Мечтал об ордене. Всегда был собран и ухожен. Смелый и отважный в бою. Его излишнее увлечение собственной внешностью являлось предметом вечных насмешек со стороны других партизан. Был убит карателями в партизанском лагере.

Лыков. В мирное время работал продавцом в керосиновой лавке. Пожилой, но очень сильный человек. Имел авторитет среди товарищей-партизан, поскольку являлся участником Гражданской войны. В партизанском отряде работал поваром: «...вроде как к продуктам питания отношение имел, вот и годен». Готовил плохо, но на войне «горячо и много – значит и вкусно». Был убит карателями в партизанском лагере.

Глебов. Командир 67-го партизанского отряда. До войны был военным. Воевал в Испании, был на Финской войне. Занудный по характеру, раз в неделю вёл уроки с юными партизанами, рассказывал им об океанах, морях и сушах, материках, физике и физических явлениях, космосе и планетах. В мирное время был заядлым грибником. Погиб в деревне Лука.

Алевтина. Около 17 лет, блокадница. Её мать осталась в Ленинграде. В отряде помогала по хозяйству. Заботилась о своём брате Шурике. Увлекалась

чтением книг, вязанием. Во время нападения карателей на партизанский лагерь была ранена. От ранений умерла.

Игорь Иванович Щенников. Возраст – 40 лет. По профессии часовщик, мелкие работы осуществлял с закрытыми глазами. Перед войной работал в леспромхозе механиком. В отряде отвечал за боеприпасы, чинил оружие. Погиб в деревне Лука.

Об этих персонажах участники собирают «досье», готовят текст экскурсии.

Работа в команде, требования к команде:

Команда должна быть мобильной, гибкой, активной, дружной, сплочённой.

Участники должны распределить задание между собой. Это позволит сэкономить время на выполнение задания.

Например, один участник работает над личностью Саныча и собирает на него досье, другой ищет сведения в книге об Алексее Ковальце и т.д.

Модератор игры должен направлять работу команд и участников.

Использование дополнительной литературы при создании Музея проживания книги.

Примеры:

Для образа Саныча можно воспользоваться информацией из книг и Интернет-источников о юном партизане Леониде Голикове.

Для оформления «Зала партизанского быта» можно найти фронтовые фотографии с изображением блиндажа или землянки и воспользоваться рекомендациями по строительству землянки подполковника Варёнышева Б. В.

Можно рассказать об академике Абраме Фёдоровиче Йоффе, который изобрёл «партизанский котелок» – термоэлектрогенератор ТГ-1. Разница температур пламени костра и воды в котле доходила до 300° и оказывалась достаточной для возникновения в термоэлектрогенераторе тока. В результате партизаны заряжали батареи своей радиостанции.

Можно использовать рассказ «Партизанская баня» Георгия Северского.

Что мы получаем после создания Музея?

В процессе создания Музея проживания книги, главы повести «Облачный полк» были распределены между участниками игры. Каждая глава повести была прочтена, изучена, проанализирована и пересказана в виде экскурсии-обзора участниками.

Таким образом, с книгой ознакомились все участники, все гости мероприятия.

Список литературы

- 1.Веркин, Э. Н. Облачный полк : повесть / Э. Н. Веркин.– Москва : КомпасГид, 2012. – 296 с.
- 2.Корольков, Ю. Лёня Голиков / Ю. Корольков. – Москва : Малыш, 1980. – 26 с.

З.Печорская, А. Н. Дети – герои Великой Отечественной войны /
А. Н. Печорская. – Москва : Дрофа-Плюс, 2005.– 64 с.

«900 дней мужества»:

исторический час, посвящённый Дню воинской славы России –
Дню снятия блокады Ленинграда (27 января)

Колодко Галина Владимировна,
главный библиотекарь
отдела обслуживания учащихся 5-9 классов
и руководителей детского чтения,
Сорокина Маргарита Николаевна,
заведующая отделом
обслуживания учащихся 5-9 классов
и руководителей детского чтения

18 января 2019 года исполнилось 75 лет со Дня прорыва советскими войсками блокады города Ленинграда от немецко-фашистских войск. Стратегическая наступательная операция «Искра» по прорыву блокады Ленинграда проводилась силами ударных группировок Ленинградского (командующий генерал-лейтенант Л. А. Говоров) и Волховского (командующий генерал армии К. А. Мерецков) фронтов. Но, сколько бы лет ни прошло, для всего мира подвиг ветеранов, ленинградцев останется образцом беспримерного подвига, мужества, стойкости, несгибаемой воли к победе сыновей и дочерей нашего Отечества в дни суровых испытаний.

Одним из главных моментов 27 января, посвящённых дню снятия блокады в 1944 году, станет минута молчания, по окончании которой зазвучит Седьмая симфония Дмитрия Шостаковича, которую во всем мире знают под названием «Ленинградской».

(Звучит запись Седьмой симфонии Д. И. Шостаковича, на фоне которой – стихи.

Над Ленинградом – смертная угроза...

Бессонны ночи, тяжёлый день любой.

Но мы забыли, что такое слёзы,

Что называлось страхом и мольбой.

Я говорю: нас, граждан Ленинграда,

Не поколеблет грохот канонад,

И если завтра будут баррикады, –

Мы не покинем наших баррикад.

И женщины с бойцами встанут рядом,

И дети нам патроны поднесут,

И надо всеми нами зацветут

Старинные знамёна Петрограда.

(Ольга Берггольц)

С началом Великой Отечественной войны 22 июня 1941 удар в направлении Ленинграда был поручен группе немецких армий «Север»,

которые должны были уничтожить части Красной армии в Прибалтике, захватить военно-морские базы на Балтийском море и к 21 июля овладеть Ленинградом. 9 июля был захвачен Псков, 10 июля немецкие части прорвали фронт и силами 4-я танковой группы армии «Север» вышли к реке Плюса и далее устремились к Луге. 21 августа немцы заняли станцию Чудово, тем самым перерезав Октябрьскую железную дорогу, и через 8 дней овладели Тосно. 30 августа был захвачен крупный железнодорожный узел Мга. С 8 сентября 1941, когда немцы захватили Шлиссельбург, началась 871-дневная блокада Ленинграда.

В окружение попало 2 млн. 544 тыс. гражданского населения города (включая приблизительно 400 тыс. детей), 343 тыс. жителей пригородных районов, войска, защищавшие город. Продовольствие и топливные запасы были ограничены (только на 1-2 месяца). 8 сентября 1941 в результате авиационного налета и возникшего пожара сгорели продовольственные склады им. А. Е. Бадаева.

Были введены продовольственные карточки: с 1 октября рабочие и инженерно-технические работники стали получать по 400 г хлеба в сутки, все остальные – по 200 г. Остановился общественный транспорт, потому что к зиме 1941-1942 не осталось никаких топливных запасов и электроэнергии. Запасы продовольствия стремительно сокращались, и в январе 1942 на человека приходилось уже только по 200/125 г хлеба в день.

За первый, самый тяжёлый год блокады погибли приблизительно 780 000 ленинградцев. Только 3 % из них погибли от бомбёжек и артобстрелов; остальные 97 % умерли от голода.

В суровых фронтовых условиях город продолжал набирать силы. Ленинградцы являли собой образец не только патриотизма, но стойкости и выдержки. Вспоминает Галина Павловна Вишневецкая. (Отрывок из книги «Галина»).

«Началась блокада... Всего только несколько месяцев прошло с начала войны, а город уже голодал. Всё меньше и меньше продуктов стали выдавать по карточкам. 20 ноября 1941 г. рацион хлеба дошёл до 125 граммов иждивенцам и 250 граммов рабочим. Крупы выдавали 300 г, масла – 100 г в месяц. Потом пришло время, когда уже не выдавали ничего, кроме хлеба. Да и эти 125 г, от которых зависела жизнь, были не хлебом, а липким чёрным месивом, сделанном из мучных отходов, мокрым и расплывающимся в руках. Каждый растягивал свой кусок насколько мог...»

Да, Ленинград остыл и обезлюдел,
И высятся пустые этажи,
Но мы умеем жить, хотим и будем,
Мы отстаили это право – жить.
Здесь трусов нет, здесь не должно быть робких
И этот город тем непобедим,
Что мы за чечевичную похлёбку
Достоинство своё не продадим.

Есть передышка – мы передохнём,
Нет передышки, снова будем драться
За город, пожираемый огнём,
За милый мир, за всё, что было в нём,
За милый мир, за всё, что будет в нём,
За город наш испытанный огнём,
За право называться ленинградцем!
(Зинаида Шишова)

(демонстрируется кинокадры фильма С. Лозницы «Блокада Ленинграда»)

Город жил и боролся: заводы продолжали выпускать военную продукцию, работали театры, музеи. Всё то время, когда шла блокада, не замолкало ленинградское радио, где выступали поэты и писатели. 9 августа 1942 в осаждённом немцами Ленинграде была исполнена 7-я симфония Дмитрия Шостаковича. Как пульс города, звучал знаменитый ленинградский метроном. Если был сигнал воздушной тревоги, он бился быстрее, если всё было спокойно – медленнее.

Жители города страдали от отсутствия еды, воды, тепла. В книге Дмитрия Сергеевича Лихачёва «Воспоминания» о годах блокады читаем: «Холод был каким-то внутренним. Он пронизывал всего насквозь. Тело вырабатывало слишком мало тепла. Человеческий ум умирал в последнюю очередь. Если руки и ноги уже отказались тебе служить, если пальцы уже больше не могли застегнуть пуговицы пальто, если человек больше не имел никаких сил закрыть шарфом рот, если кожа вокруг рта стала тёмной, если лицо стало похоже на череп мертвеца с оскаленными передними зубами – мозг продолжал работу. Люди писали дневники и верили, что им удастся прожить и ещё один день».

И летели листовки с неба
На пороги замёрзших квартир:
«Будет хлеб. Вы хотите хлеба?..»
«Будет мир. Вам не снится мир?»
Дети, плача, хлеба просили.
Нет страшнее пытки такой.
Ленинградцы ворот не открыли
И не вышли к стене городской.
Без воды, без тепла, без света.
День похож на чёрную ночь.
Может, в мире и силы нету,
Чтобы всё это превозмочь?
Умирали – и говорили:
– Наши дети увидят свет!
Но ворота они не открыли.
На колени не встали, нет!
Мудрено ли, что в ратной работе

Город наш по-солдатски хорош?..

Пётр построил его на болоте,

Но прочнее его не найдёшь.

(Елена Рывина, «Ночь»)

Ленинградцы, и прежде всего ленинградские женщины, могут гордиться тем, что в условиях блокады они сохранили детей. Речь идёт о тех маленьких ленинградцах, которые прошли все тяготы и лишения вместе со своим городом. В Ленинграде были созданы детские дома, которым голодный город отдавал лучшее из того, что имел. Ленинградские женщины проявили столько материнской любви и самоотверженности, что перед величием их подвига можно преклоняться. Ленинградцы знают примеры исключительного мужества и героизма, проявленного женщинами – работниками детских домов. «Утром в Красногвардейском районе начался интенсивный обстрел участка, где были расположены ясли №165. Заведующая вместе с воспитательницей и санитаркой под огнём стали выносить детей в укрытие. Обстрел был так силён и опасность, угрожавшая детям, была настолько велика, что женщины, чтобы успеть унести всех детей в укрытие, укладывали по несколько ребят в одеяло и так кучками выносили. Артиллерийским снарядом выбило все рамы и внутренние перегородки тех домиков, в которых были расположены ясли. Но все дети – их было сто семьдесят – были спасены».

В связи с прекращением связи с Большой землёй особое значение приобрела дорога через Ладожское озеро, ставшая легендарной «Дорогой жизни». Водным путём грузы доставлялись в Ленинград ещё в сентябре – ноябре 1941, а когда озеро замерзло, то продовольствие, топливо и другие грузы стали возить по льду. По «Дороге жизни» вывозили и ослабевших от голода жителей города: в первую очередь эвакуировали детей, женщин с детьми, больных, раненых и инвалидов, а также учащихся, рабочих эвакуируемых заводов и их семьи. Ледовая дорога (1941-1942 г.г.) работала 152 дня, за это время из города было эвакуировано 550 тысяч ленинградцев; в навигацию 1942 года эвакуировано 540 тысяч человек; 1942-1943 гг. – ледовая дорога работала 101 день, эвакуировано 89 тысяч человек.

В блокадном городе были организованы даже новогодние ёлки для детей, где в качестве подарка детям давали по тем временам прекрасный обед.

(звучит песня в исполнении В. Толкуновой «Дети Ленинграда»)

Война в жестокой слепоте своей соединяет несоединимое: дети и кровь, дети и смерть. В годы битв наша страна делала всё, чтобы уберечь детей от страданий. Но порой эти усилия оставались тщетными. И когда дети беспощадной волею судьбы оказывались в пекле страданий и невзгод, они вели себя как герои, они осиливали, выносили то, что, казалось бы, и взрослому преодолеть не всегда под силу.

Они выдержали войну и победили вместе со взрослыми. Молодые пожарные охраняли Таврический дворец, Эрмитаж, они помогли сохранить

Смольный. Подростки вставляли к заводскому станку, заменяя ушедших на фронт отцов и старших братьев. Они тушили бомбы-зажигалки, помогали раненым и продолжали учиться. В Ленинграде 15 тысяч мальчиков и девочек получили медаль «За оборону Ленинграда».

Вы памятник «детям блокады» видали?

– Стоит у дороги из камня цветок,

Он символ трагедии, символ печали,

Непрожитых жизней, надежд и тревог.

Тела истощались, глаза потухали,

И смех оборвался и голос умолк...

Он – память погибшим, он – гимн пережившим

Весь ужас тех страшных «девятисот».

Сердца замирали в надежде и страхе:

Недетские горести выпали им –

И тем, кто не выжил, и тем, кто остался;

И памятник мёртвым, и память живым.

Уж стали седыми «блокадные дети»,

Прошло полстолетья, а сердце болит.

И памятник этот, на постаменте,

Живым об ушедших забыть не велит.

(Лидия Михайловна Савченко, дитя блокадного Ленинграда).

В следующую блокадную зиму 1942-1943 положение осаждённого Ленинграда значительно улучшилось: ходил общественный транспорт, работали предприятия, открылись школы, кинотеатры, действовали водопровод и канализация, работали городские бани и т.д.

Обороной города руководил вначале К. Е. Ворошилов, а после его отстранения – Г. К. Жуков, хозяйственной стороной занимался А. Н. Косыгин, который фактически заменил первого секретаря Ленинградского обкома ВКП (б) А. А. Жданова. Именно А. Н. Косыгин организовывал движение по «Дороге жизни», улаживал разногласия гражданских и военных властей.

18 января, после ожесточённых боев, 136-я стрелковая дивизия, преследуя противника, ворвалась в Рабочий посёлок № 5, где примерно в 12 часов дня соединилась с частями 18-й стрелковой дивизии 2-й ударной армии.

К этому времени передовые части 123-й стрелковой бригады 67-й армии уже встретились с частями 372-й дивизии 2-й ударной армии на восточной окраине Рабочего поселка № 1. А в конце дня передовые части 34-й лыжной бригады установили связь с 128-й стрелковой дивизией и 12-й лыжной бригадой 2-й ударной армии, которые, наконец, взяли Липки. Таким образом, 18 января 1943 года блокада Ленинграда была прорвана.

На освобождённой территории была сразу же сооружена железная дорога. К моменту прорыва блокады в городе оставалось не более 800 тыс.

человек гражданского населения. Многие из этих людей в течение 1943 года были эвакуированы в тыл.

Ты мой голос слышал, за кольцом,
Дай мне руку! Прорвана блокада.
Сердце к сердцу – посмотри в лицо.
Кровь друзей, взывавшая к отмщенью,
На полотнах полковых знамён.
На века убийцам нет прощенья.
Прорвана блокада. Мы идём!
Мы сегодня снова наступаем,
Никогда не повернём назад...
Мой малыш-сынишка – спит, не зная,
Как сегодня счастлив Ленинград.
(Елена Вечтомова)

В январе 1944 года блокада была полностью снята. В результате мощного наступления Красной Армии немецкие войска были отброшены от Ленинграда на расстояние 60-100 км и, через 872 дня после начала блокада закончилась.

27 января 1944 года прогремел победный салют в честь снятия блокады Ленинграда.

Ленинградцы показали себя истинными патриотами. Они несли огромные жертвы (за годы блокады погибло, по разным данным, до 1,5 млн человек). Многие из них похоронены на Пискаревском кладбище, где к 15-летней годовщине Победы советского народа над фашистской Германией – 9 мая 1960 года – был торжественно открыт мемориал. Это самое памятное место города на Неве. Замыкает партер мемориальная стена-стела длиной более 150 метров. Высота её средней части более 4 метров, боковых – более 3 метров.

Мне кажется:
Когда гремит салют,
Погибшие блокадники встают.
Они к Неве
По улицам идут,
Как все живые,
Только не поют.
Не потому,
Что с нами не хотят,
А потому, что мёртвые молчат.
Мы их не слышим,
Мы не видим их,
Но мёртвые всегда
Среди живых.
Идут и смотрят,
Будто ждут ответ:

Ты этой жизни
Стоишь или нет?
Мы чашу горя выпили до дна.
Но враг не взял нас никаким измором
И жизнью смерть была побеждена
И победили человек и город!
Год сорок второй:
Полгорода лежит в земле сырой
Неугасима память поколений
И память тех, кого так свято чтим,
Давайте, люди, встанем на мгновенье
И в скорби постоим и помолчим.
(Юрий Воронов, «Мёртвые»)
(*Минута молчания под звук метронома*)

Безгранична наша скорбь о погибших в блокаду. Но силу, а не слабость рождала она. Наш долг – быть благодарными людям, отдавшим свою жизнь во имя нашей жизни, быть достойными их. Желаем всем добра и мира.

Список литературы и источников

1. Адамович, А. М. Блокадная книга / А. М. Адамович, Д. А. Гранин. – 5-е изд., испр., доп. – Москва : Советский писатель, 1983. – 430 с. : ил. – Текст : непосредственный.
2. Миксон, И. Л. Жила, была : историческая повесть / И. Л. Миксон. – Ленинград : Детская литература, 1991. – 223 с. – Текст : непосредственный.
3. Павлов, Д. В. Ленинград в блокаде / Д. В. Павлов. – Ленинград : Лениздат, 1985. – 238 с. : ил. – Текст : непосредственный.
4. Сухачёв, М. П. Дети блокады : повесть / Михаил Сухачёв. – Москва : Детская литература, 2016. – 268 с. : ил. – Текст : непосредственный.
5. Сухачёв, М. П. Там, за чертой блокады : повесть / Михаил Сухачёв. – Москва : Детская литература, 2016. – 300 с. : ил. – Текст : непосредственный.
6. Чаковский, А. Б. Блокада : роман. Книга 1 и 2. – Москва : Советский писатель, 1978. – 526 с. – Текст : непосредственный.
7. Чаковский, А. Б. Блокада : роман. Книга 3 и 4. – Москва : Советский писатель, 1974. – 576 с. – Текст : непосредственный.
8. Чаковский, А. Б. Блокада : роман. Книга 5. – Москва : Советский писатель, 1978. – 623 с. – Текст : непосредственный.
9. Один день из жизни блокадного Ленинграда. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ctUBI8WY89I> (дата обращения: 21.06.2020). – Текст : электронный.
10. Композитор Дмитрий Шостакович. Исполняет и рассказывает о своей 7-й симфонии, 1944, кинохроника. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ctUBI8WY89I>

Шостакович. Исполняет... [youtube.com>watch?v=10Gra4vSd3g](https://youtube.com/watch?v=10Gra4vSd3g) (дата обращения: 21.06.2020). – Текст : электронный.

11. 90 лет назад родилась Таня Савичева - девочка, чей дневник стал одним из символов блокады Ленинграда. – URL: [https:// 90 лет назад родилась Таня Савичева - девочка, чей... youtube.com>watch?v=pcL3ySh7NDQ](https://90летназад.рф/90-лет-назад-родилась-таня-савичева-девочка-чей-дневник-стал-одним-из-символов-блокады-ленинграда/) (дата обращения: 21.06.2020). – Текст : электронный.

12. Санкт Петербург с высоты птичьего полета. – URL: [https:// Санкт Петербург с высоты птичьего полета - YouTube youtube.com>watch?v=7TjhRtyuhdk](https://www.youtube.com/watch?v=7TjhRtyuhdk) (дата обращения: 21.06.2020). – Текст : электронный.

13. Ленинград 8 сентября 1941 года. – URL: [https:// Ленинград 8 сентября 1941 года - YouTube youtube.com>watch?v=s0CkPZs_6EM](https://www.youtube.com/watch?v=s0CkPZs_6EM) (дата обращения: 21.06.2020). – Текст : электронный.

Читаем детям о войне **Патриотическая акция**

*Аничкина Е. М., учёный секретарь
Сорокина М. Н. заведующая отделом
обслуживания учащихся 5-9 классов и
руководителей детского чтения*

В 2020 году, в условиях ограничительных мер в связи с коронавирусной инфекцией, традиционная Международная акция «Читаем детям о войне» проходила в нетрадиционном формате. 6 мая в результате сотрудничества Орловской областной детской библиотеки им. М. М. Пришвина и «Радио России. Орёл» состоялась радиопередача, в рамках которой библиотекари вместе с шеф-редактором группы информационных программ Максимом Шиловым и артистами Сергеем Гнедовым (Орловский академический театр им. И. С. Тургенева) и Александром Столяровым (Орловский муниципальный театр «Русский стиль») представили пронзительный рассказ М. А. Шолохова «Судьба человека».

Ведущий: Приближается большой праздник – День Победы. Весь мир помнит тот ликующий светлый май 1945г., особенно 9мая 1945г. – первый день без войны. На этой войне плечом к плечу сражались люди всех национальностей. Они защищали свое отечество. И вместе победили фашизм. Сейчас этот день славы, и день памяти: о боях, о героях, о воинах, павших на полях сражений, о страданиях народа. В нашей стране нет семьи, которой бы не коснулась война. Память о войне живёт и в книгах, поэтому не случайно в Орловской области проводится акция «Читаем книгу о войне». Эта акция впервые стартовала по инициативе «Самарской областной детской библиотеки». С 2011 года активное участие в акции принимает Орловская областная детская библиотека им. М. М. Пришвина. За это время почётными

участниками Акции стали ветеран Великой Отечественной войны Александр Фёдорович Невретдинов, Заслуженный работник культуры Александра Васильевна Семёнова, Почётный гражданин города Орла Людмила Петровна Масленникова, известный орловский писатель и краевед Василий Михайлович Катанов, лауреат Всероссийских конкурсов, артист Курской филармонии Рахим Рахманов. Наша библиотека проводила акцию совместно с Военно-историческим музеем г. Орла. К акции «Читаем детям о войне» присоединились детские учреждения разных городов и регионов нашей страны. А в 2013 году она приобрела международный статус: к акции присоединились Беларусь, Казахстан и Канада. Сегодня в это самое время по всей нашей области, а также в других городах и республиках читают книги о войне.

Ведущий: в этом году для чтения мы предложили вам повесть Михаила Шолохова «Судьба человека» – одно из самых пронзительных произведений о Великой Отечественной войне. Давайте вспомним сюжет повести.

Пересказ: Действие происходит ранней весной первого послевоенного года на Верхнем Дону. Повествователь, перебираясь через Дон, разлившийся по весне на много километров, в станицу Буканскую, встречает в пути мужчину, который ведёт за руку мальчика лет пяти-шести. Между ними завязывается разговор. Они оба работают шоферами, оба были на фронте. Мужчина рассказывает историю своей жизни.

Зовут его Андрей Соколов. Он – уроженец воронежской губернии, с тысяча девятисотого года рождения. В гражданскую войну был в Красной Армии, в дивизии Кивидзе. В голодный двадцать первый год подался на Кубань работать на кулаков, потому и уцелел. А его отец, мать, сестра, оставшись дома, померли с голода. Он остался один. Родни никакой у него не было. Вернулся с Кубани, продал хатку и поехал в Воронеж. Поначалу работал в плотницкой артели, потом пошёл на завод, выучился на слесаря. Вскоро женился. Жена тоже была сироткой и воспитывалась в детском доме. У неё был очень мягкий характер. Звали её Ирина. Вскоре у них пошли дети, сынишка, потом две дочки. В двадцать девятом году Андрей стал изучать автодело и стал водителем грузовика. Так прошли десять лет. Дети радовали: все трое учились на «отлично», а старший, Анатолий, оказался способным к математике, о нём даже написали в центральной газете. За десять лет семья скопила деньжонок, и перед войной поставили домик об двух комнатках, с кладовкой и коридорчиком. Всё в семье шло гладко. Только место под домишко отвели им неподалеку от авиазавода. Это позднее сыграло роковую роль в их семье.

На второй день войны пришла повестка из военкомата. На третий – вся семья провожала Андрея. Жена его Ирина всю ночь проплакала у него на плече. И на перроне не могла никак успокоиться, и всё время говорила, что они никогда больше не увидятся. Андрей не мог слышать эти слова. Он разнял её руки и легонько толкнул её в плечи. Она отступила на три шага и

снова пошла к нему. Он обнял её, она была словно не в себе, и его сердце разрывалось от жалости. Нужно было прощаться, Андрей обнял последний раз жену, простился с детишками и уже на ходу вскочил на подножку. На фронте Андрей был шофёром, водил ЗИС-5. Письма писал нечасто, советские войска тогда большие отступали, нечего было написать хорошего, а жаловаться он не привык. Понимал, что женщинам в тылу тоже нелегко. Воевал он меньше года. Два раза был ранен, оба раза – легко. А в мае сорок второго попал в плен, когда поехал отвозить снаряды для своей батареи. Жал изо всех сил, забыв про осторожность, уже километр оставался ему до конца пути, когда его машину подстрелили. Когда Андрей очнулся, он был уже в окружении. Его обнаружили немецкие солдаты. Пленных была целая колонна. Андрей был контужен, не мог идти, но остальные пленные солдаты ухватили его под руки и затолкали в середину. Этим Андрею спасли жизнь. – Тех, кто падал, сразу убивали.

Ночевать пленных загнали в церковь с разбитым куполом. Там на полу не было ни клочка соломы. Ночью полил сильный дождь, все промокли. Среди пленных был военврач, он вправил Андрею вывих на левой руке. В темноте Андрей услышал разговор двух земляков, один из которых был коммунистом и командиром взвода. А второй угрожал ему, что выдаст его при первой же возможности. Тот просил его не выдавать, но предатель лишь смеялся. Андрей решил, что не даст ему выдать командира. Когда немного рассвело, он увидел командира – это был худенький, курносенький парнишка. А рядом с ним спал здоровенный мордатый парень. Андрей спросил парнишку, этот ли парень хочет его выдать. И после утвердительного ответа попросил командира подержать парню ноги, чтобы тот не брыкался. Сам же схватил предателя за горло, и через несколько минут его уже не было в живых. Андрею после этого стало нехорошо на душе: первый раз в жизни убил – и то своего. Но утром, когда немцы выстроили их и стали отбирать вредных им людей, никто из командиров, комиссаров и коммунистов не пострадал, хотя их было больше половины. Не было сволочи, которая могла бы их выдать. Не уцелели только один еврей и трое русских, которых тоже приняли за евреев. Эти четверо были расстреляны.

Андрей решил сразу уходить к своим. Искал возможность. В Позанском лагере случай нашёлся: пришлось рыть могилы для своих, двое охранников сели закусывать, а третий задремал на солнышке. Тогда Андрей бросил лопату и тихо убежал за куст. Оттуда – бегом, прямо на восход. Сил у него не было, тем не менее за сутки он пробежал почти сорок километров. Но побег не удался. На четвёртые сутки, когда он был уже далеко, его поймали. По его следу шли собаки, и когда он лёг отдохнуть в поле с овсом, они его настигли, набросились на него, и едва не загрызли до смерти. Потом подъехали на двух мотоциклах немцы, били его со всей мочи, травили собаками. Изодранного, всего в крови, Андрея привезли в лагерь. За побег он отсидел в карцере месяц, но всё же выжил. И был в плену ещё два года. За это время он объехал пол-Германии, работал в Саксонии на

силикатном заводе, откатывал уголь на шахте в Рурской области, копал землю в Баварии и в Тюрингии. Везде ему приходилось терпеть побои и голод. В одном из лагерей военнопленные работали на каменном карьере. Норма на каждого составляла четыре кубометра в день. За два месяца от ста сорока двух человек осталось пятьдесят семь. Шёл сентябрь. Пленные мёрзли под холодным дождём. Обсушиться, согреться было негде. В один из таких дней, Андрей, бросая на нары мокрые лохмотья, сказал: «Им по четыре кубометра выработки надо, а на могилу каждому из нас и одного кубометра за глаза хватит». Слова услышал кто-то из стукачей и донёс коменданту лагеря. На следующий день комендант потребовал Андрея к себе. Андрей попрощался с товарищами. Все знали, что он идёт на верную смерть.

Эпизод с Мюллером (чтение и обсуждение):

1. О чём думал в начале эпизода Соколов? (о том, что его сейчас расстреляют)
2. Зачем Мюллеру понадобился перед казнью пленного ритуал с выпивкой? (хотел поиздеваться, доказать превосходство, знал, что пленные голодны, потому и демонстрирует своё, якобы, великодушие)
3. Был ли Соколов готов к смерти? (да, был готов)
4. Как ведёт себя герой перед немцами? (стойко, не показывает страха)
5. Соколову страшно от мысли о смерти? (он не хотел умирать, но потом от мысли о смерти ему стало даже легче, он решил, что закончатся все его мучения)
6. Почему немцы его пощадили? (Мюллер сказал, что уважает его, потому что Соколов настоящий солдат)
7. Какие качества проявил герой рассказа «Судьба человека» в противоборстве с комендантом лагеря Мюллером? (стойкость, гордость советского солдата, выдержку, не унизил себя в тяжёлой ситуации, морально победил Мюллера)
8. Кто, по-вашему, одержал победу в этом противостоянии? (диалог с Мюллером – это не вооруженная схватка двух врагов, а психологический поединок, из которого Соколов выходит победителем, что вынужден признать и сам Мюллер)

В сорок четвёртом году ситуация на фронте изменилась в пользу Советской Армии. К пленным стали относиться более мягко. Стали давать им более мирные работы, не требующие постоянного пребывания в лагере. Как-то раз в лагерь приехал незнакомый обер-лейтенант. На строительство потребовались шофёры. Андрей Соколов сразу шагнул из шеренги. Ему дали поношенную спецовку и определили работать в город Потсдам. Он стал возить на «опель-адмирале» немца-инженера в чине майора армии. Тут Андрей понял, что снова появилась возможность для побега. Две недели он возил майора в Берлин и обратно, затем его послали в прифронтовую полосу на строительство рубежей. По ночам майор всё чаще стал напиваться в одиночку, и однажды Андрей понял, что момент настал.

Он приготовил двухкилограммовую гирьку, кусок телефонного кабеля. За два дня перед этим он раздел немецкого пьяного унтера и положил его форму в машину. Утром двадцать девятого июня майор приказал вывести его за город в направлении Тросницы. Там он руководил построшкой укреплений. Майор спокойно спал на заднем сиденье. Андрей достал гирьку и тюкнул майора по голове. Напялил на себя мундир и пилотку. И поехал по направлению к своим. На немецком переднем крае выскочили автоматчики, показывают, что туда нельзя ехать. Но он сделал вид, что не понимает и дал газу. Пока они опомнились, он уже был на ничьей земле, петлял между воронками. Сзади по нему били немцы, а спереди по машине стреляли свои. Но ему удалось доехать невредимым. Увидел своих, вышел из машины, упал на землю и стал целовать её от радости. Прибежал молодой парнишка, стал смеяться: «Ага, чёртов фриц, заблудился?» Тут Андрей сорвал с себя мундир, пилотку кинул под ноги и сказал, что он свой. Андрей попросил отвести его к командиру и развязать связанного в машине «языка». К вечеру Андрей очутился уже у полковника – командира дивизии. Полковник обнял его при всех офицерах и говорит: «Спасибо тебе, солдат, за дорогой гостинец. Твой майор с его портфелем нам дорожке двадцати «языков». Буду ходатайствовать перед командованием о представлении тебя к правительственной награде». Андрей так заволновался от этих слов, что у него задрожали губы, только и смог, что попросить: «Прошу направить меня в действующую часть». Полковник засмеялся, похлопал его по плечу: «Какой из тебя вояка, если ты еле на ногах держишься?» Андрея направили в госпиталь, все офицеры душевно с ним попрощались. Он был очень взволнован, так как отвык от человеческого общения.

Письмо Ирине (чтение)

Самым страшным стала для Соколова потеря близких. Дважды он прерывает свой рассказ, и оба раза – когда вспоминает с погибшей жене и детях. После Андрей получил месячный отпуск и поехал в Воронеж. Приехал туда, где когда-то стоял его дом и жила семья, посмотрел на это место. Оно было залито ржавой водой, и кругом – бурьян. Постоял он и пошёл на вокзал. В тот же день уехал обратно в дивизию. Но через три месяца блеснула ему радость: нашёлся сын Анатолий, прислал ему письмо с другого фронта. Он рассказывал, что после артиллерийского училища пошёл на фронт и уже получил звание капитана. Андрей всегда гордился сыном, а тут он был особенно горд, что сын – капитан и командир батареи, это было для него большим утешением, он стал мечтать, как они вернутся с войны, Андрей женит сына и сам будет жить при молодых, плотничать да внуков нянчить. К концу войны Андрей послал сыну письмо, а утром получил ответ, и понял, что они находятся совсем недалеко друг от друга. Он стал ждать, когда же они свидятся. Но не суждено было Андрею увидеть сына живым. Утром Девятого мая, в День Победы, Анатолия убил немецкий снайпер. Андрей увидел сына уже в гробу. Вскорости Андрея демобилизовали. Он не захотел возвращаться в Воронеж. Поехал к другу в Урюпинск, поселился у

своего друга. Друг с женой были бездетные. И в это время Андрей и познакомился со своим «новым сынком».

Отрывок с Ванюшкой (чтение и обсуждение)

1. Почему Соколов решил представиться отцом Ванюшки? (*ему стало жаль ребёнка, жаль и себя. Решил: «Не бывать тому, чтобы нам порознь пропадать! Возьму его к себе в дети». И сразу на душе, как отмечает герой, у него стало легко и светло.*)

2. Какую роль играет встреча с Ванюшкой в судьбе Соколова?

(*неожиданная встреча с ребёнком, случайным «осколком войны», возрождает героя. Любовь и сострадание вызывают ответный отклик в сердце мальчика. Андрей Соколов не только не покоряется судьбе, но и сам делает свою судьбу, меняет сиротскую судьбу мальчика.*)

3. Как раскрывается характер Андрея Соколова во взаимоотношениях с Ванюшкой? Чего не смогла отнять у героя война? (*человечности, стремления к единению с людьми, сострадания. Сердце Андрея Соколова не зачерствело, он смог найти в себе силы подарить счастье и любовь другому человеку.*)

4. К каждому ли человеку вот так просто может доверчиво прильнуть маленький ребёнок? (*Нет, не к каждому. Малыш не отвернулся, не убежал от Соколова, признал в нём отца. Ванюша почувствовал человеческое участие этого человека, его доброту, любовь, тепло, понял, что у него появился защитник.*)

Автор не рассказывает о том, как сложилась дальше жизнь Андрея и его приемного сына. Шолохов преследовал иную цель – показать, что делает с человеческой жизнью война. «Два осиротевших человека, две песчинки, заброшенные в чужие края военным ураганом невиданной силы... Что-то ждёт их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек нестигаемой воли, выдюжит и около отцовского плеча вырастет тот, который повзрослев, сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути...».

Ведущий: В заключение мне хочется призвать вас к тому, чтобы мы, молодое поколение России, всегда помнили героические подвиги нашего народа в годы Великой Отечественной войны, чтобы вечно оставались в наших сердцах имена героев, отдавших свою жизнь за наше будущее, чтобы не забывали мы тех, кто, не жалея своей жизни, завоевал свободу и счастье для грядущих поколений. Давайте будем достойными потомками того великого поколения, будем благодарны за Великую Победу, за мирное небо над нашей головой.

Прошла война, прошла страда,

Но боль взывает к людям:

«Давайте, люди, никогда

Об этом не забудем».

Пусть память светлую о ней

Хранят, об этой муке,

И дети нынешних детей,

И наших внуков внуки... А. Твардовский

Зал
«Партизанская слава»

Саныч

Отрывки из повести «Облачный полк»

«Саныч был упрям» (Гл.2, С.30)

«Саныч всё-таки человек выдающийся, умеет. И стрелять, и сказать. Наверное, это из-за того, что он газеты любит читать. Он их читает, а потом своё составляет. Ему, наверное, самому уже можно в газеты писать, надо, кстати, спросить...» (Гл. 2, С.33)

«Я совершенно потерялся, шагал себе послушно за Санычем, который пробирался уверенно, как по дороге. По каким приметам он определял путь, я понять не мог, наверное, он знал каждое дерево в лицо, есть же люди с фотографической памятью, утром увидят газету в ларьке, вечером лягут в раскладушку и читают по памяти...» (Гл. 2, С.42)

«В очередной раз убедился, что Саныч вперёд видит на восемь ходов, может быть, он и гада этого прихватил только для того, чтобы сейчас его в старицу загнать». (Гл.2, С.42)

«Саныч плюхнулся рядом с вершей. Синий, измазанный грязью, по коже мурашки, выглядел зло и опасно, по-боксёрски, у нас в доме пионеров боксёры тренировались, так вот они все такими были, вислоплечие, сбитые, крепкие, как медведи, только Саныч всё равно с любым из них бы справился». (Гл. 2, С. 45)

«Саныч набычился и собрался, прижал локти, подбородок опустил, уши и те как-то в голову что ли втянулись, а Ковалец напротив, раздулся, как лягушка на свадьбе и заорал...» (Гл.3, С.49)

«– Не знаю, – Саныч пожал плечами. – Меня нельзя сфотографировать. Совсем то есть.

– Как это?

– Очень просто – меня цыганка в детстве заговорила». (Гл.3, С.51)

«Как-то раз отец Саныча, большой мастер по части производства фанеры, ну, и в других древесных премудростях разбирающийся, отправился в Сибирь с командировкой, а Саныч вместе с ним напросился, хотел Байкал поглядеть. Но до Байкала они не доехали, потому что по пути отец вышел за кипятком, и пока он стоял в очереди, Саныча украли цыгане. Отец побежал вдоль путей и увидел, как цыганята ведут маленького Саныча в сторону глухого пакгауза. Отец закричал, схватил Саныча, схватил одного цыганёнка, поволок в милицию. Их догнала старая цыганка, она упала на колени и умоляла отца их в милицию не сдавать, подарила золотые серьги, а на самого Саныча наложила заклятье от пули, боли и неволи.

– С тех пор от меня всё отскакивает, – сказал Саныч. – И ножи, и пули и фотографии. Сколько раз уже пробовали, и в школу фотограф приезжал, и из газеты – ничего не получается, хоть ты тресни». (Гл.3, С.52)

«– Ты ведь комсомолец уже, – спросил и одновременно ответил Ковалец. – Должен понимать. Вот я всегда удивляюсь, откуда такая разболтанность, а? Семнадцать лет, Герой уже почти представленный, а всё кривляешься! Разве так можно?» (Гл.3, С.53)

«Корреспондент стал задавать Санычу обычные вопросы, всё по порядку, как полагается, сначала про детство, потом про то, как он убил генерала. Саныч уныло, почёсываясь и похихикивая, в восьмой раз рассказывал про тот самый случай на дороге, со скучным видом привирая о том, как он выскочил с победным криком, как кинул гранату, затем вторую, как стал стрелять, отсекая мотоциклистов... а нет, мотоциклисты это в другой раз были, с пулемётчиками вместе, генерал и сам был оного, и без самокатчиков, с двух рук шмалял только так...

Виктор был явно неопытный, записывал подряд, много, подробно, не отсекая выдумки. Отчего Саныч постепенно разошёлся и распустился, и принялся врать уже напропалую, не обращая внимания на покашливания Глебова. Я тоже не удержался, и стал сигналить – моргать, и двигать носом. Но увлечённый Саныч этого, само собой, не заметил». (Гл.3, С.55)

«– Вы ведь пионер?

Саныч помотал головой.

– Да не, уже по возрасту вышел, – сказал он. – Я в комсомол вступил, только у нас ячейки толком нет. Но ничего, всё постепенно. Я и в партию тоже хочу». (Гл.3, С.65-66)

«– Расскажите, как вы попали в партизаны? – спросил он. – В общих чертах, конечно.

– Да как все. Пришли немцы, выгнали в лес. В дома наши залезли, а мы землянки отрыли, стали жить. Думали ненадолго, ага. Потом глядим – осень уже, земля твёрдая...» (Гл.3, С. 66)

«– Нет, я про то, как вы пришли в партизаны, если можно поподробнее. Нет там никакой рыси дохлой, там и дупла-то нет.

– Так я и рассказываю. Мы жили в лесу, я мамке и говорю – чего это мы в землянках живём, а фрицы в нашем доме? Давай их подпалим, пусть попрыгают. А мама сказала, что не надо палить, как немцы уйдут, мы только полы с кирпичом помоем, да стены можжухой окурим. И вернёмся себе спокойно. Ну, стали дальше в землянках сидеть. До нового года почти досидели, а потом я подумал, что мне надоело в корнях подгнивать, взял лопату и ушёл.

– А лопату зачем? – удивился корреспондент.

– Топор мать не дала, а лопата ей ни к чему, сажать всё равно нечего.

– А партизан как нашли?

Саныч хохотнул.

– А что их искать то? Тут у нас всё просто, или партизан, или полицай. Полицаев я сразу узнаю, по смраду, а если не смердит – так значит и партизан». (Гл.3, 66-67)

«А Саныч напротив, был серьёзен и сосредоточен, видно, что к рыбалке он относится основательно, почти так же, как к войне». (Гл.8, С.166)

«– Без оружия! – проскрипел Глебов с такой силой, что кровь выплеснула через нос. – Сдай оружие, Голиков!» (Гл.12, С.245)

«Саныча с нами не было. Он лежал на склоне за рекой возле вымерзшего куста, уткнувшись лицом в землю. Я испугался, но тут он поднял голову и стал стрелять». (Гл.13, С.260)

«– Он погиб, – перебил я. – Тут всё просто.

– Да, конечно, - согласился Виктор. – Я это хотел не для книги узнать, для себя. Хочется понять некоторые вещи, прояснить, так сказать...

– Он погиб, - повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все.

– Да, я знаю». (Гл.14, С.265)

«– Да...Это правильно, что про Лёньку книжку писать будут, он ведь герой. Его именем даже улицу в Новгороде назвали. Валька сама видела.

– Улицу?

–Ага. Красивая, дома все новые, и водокачка есть, и липы цветут везде». (Гл.14, С.279)

«С толстой глянцевой бумаги альбома на меня смотрит Саныч. Весёлый и злой, стоит, прислонившись к стене. С копьём, в тени узкого горного ущелья, отделяющего сумрак от света, потомок Геракла в сорок третьем колене, вечно на страже» (Гл.15, С.290)

Алексей Ковалец

Отрывки из повести «Облачный полк»

«Ковалец начал злиться. Он быстро злиться начинает, раньше работал плотогоном, любит поорать, умеет, а матерится так, что неосторожные комары замертво падают ещё на подлёте». (Гл.3, С. 47)

«Ковалец, наверное, безобидный в общем-то, однако горячечный слишком, заносчивый, заносит его иногда. Не держит себя в руках, сердится очень». (Гл.3, С.48)

«Причесывался Ковалец тоже не просто. Расчёска у него алюминиевая, с длинными острыми зубцами, блестящая, сбоку пилочка для ногтей, а на конце что-то вроде ложечки, приспособление неизвестного назначения – Саныч полагал, что ковырялка для ушей, сам Ковалец утверждал, что в ложке этой растапливают воск, который втирают в причёску для придания ей блеска и устойчивости. Эту выдающуюся расчёску Ковалец снял с одного ефрейтора, а потом долго кипятил на предмет избавления от немецкого духа, и спиртом протирал трижды, а после всех полагающихся процедур вставил в рукоять от бритвы, и когда надо было причесаться публично, красивым движением выщёлкивал её, и, тряхнув чубом, изысканно совершал туалет». (Гл.3, С.48)

«...Ковалец напротив, раздулся, как лягушка на свадьбе и заорал:
– Быстро в штаб!!! Быстро! Это приказ!!!

Это он за счёт голоса свой размер увеличивал, и перед командиром издалека выслуживался, считал, что у кого громче ор, тот начальству больше заметен». (Гл.3, С.49)

«Ковалец жулькал в зубах папиросу, не курил, просто красовался – папироса была настоящая, и очень Ковальцу шла, с папиросой он выглядел гораздо мужественнее. Для фотографии, наверное, тренируется, в «Красной Звезде» хочет напечататься, а мне так кажется, ему уже можно и не тренироваться, пойдёт вполне себе, а папиросу ему, видимо, Виктор дал». (Гл.3, С.72)

«Я давно уже заметил – есть люди торжественные, а есть так, не очень. Вот Ковалец торжественный. Плечами поведёт – и как на трибуне развернётся, Саныч вот так не умеет». (Гл.4, С.98)

«Ковалец смеялся вроде прилично, красивым голосом, каким смеются в кино, умудряясь при этом важно оправлять неожиданный заусенец на указательном пальце и поглядывая на остальных с новым превосходством. А

потом не удержался и расхохотался уже по-настоящему, задиристо и беззаботно, отчего вдруг стало видно, что он тоже сопляк, двадцати ему явно нет, просто уж такой большой вымахал». (Гл.10, С. 200)

«– Глебов не мог их пропустить, – бормотал Саныч. – Нет, конечно, он никого и не пропустил, он всё предусмотрел, все ушли вовремя. Ковалец остался. То есть самый лучший остался, он прикрывал отступление остальных и...» (Гл.11, С.227)

«Откуда-то, точно из-под снега, выскочил Ковалец, а может точно из-под снега. Он был не похож на себя, исчезла вся красота и гладкость, лицо оказалось перекошено яростью, в руках доска метра полтора длиной с закреплённой взрывчаткой. Полушубка нет, шапки нет, тоненький вязаный свитер. Ковалец кинулся к поезду через снег, высоко выдёргивая ноги, точно выплясывая дурацкий птичий танец. Его тут же заметили, охранник на платформе сдёрнул автомат и тут же вскинул руки, пуля пробила ему плечо и солдат упал между платформами, под колеса. Кулаков, снайпер. Машинист загудел, упал ещё один часовой, остальные очнулись и стали стрелять по Ковальцу, но его уже было не остановить. Кажется, он что-то орал, я бы орал, точно, как тут можно не орать?

– Не стрелять! – крикнул Саныч.

Мне. Я и так знал, что стрелять нельзя, рано, можно задеть Ковальца, только Кулакову можно.

Ковалец подскочил к рельсам перед первой платформой, сунул бомбу, и отпрыгнул в сторону, откатился, завяз в снегу, немцы стали стрелять гуще и отчаяннее, я подумал – вот сейчас в него точно попадут, но не попали, Ковалец перекатился, и ещё перекатился, и тут грохнуло, почему-то глухо, в стороны полетела земля и снег, так что я даже подумал, что бомба не сработала на полную мощность». (Гл.9, С.193)

«– Мы в школе вместе учились. С Ковальцом, он на несколько классов старше был, но я помню его. Над ним и тогда все смеялись, и одноклассники, и вообще все. У нас там рядом пруд был со школой, а Ковальцу однажды штиблеты купили, отец из Пскова привёз. Только на размер меньше они оказались, у Ковальца ноги всё время уставали, поэтому он их только раз в неделю надевал, по пятницам всегда. Но только на переменах их носил, а на уроках снимал. И вот однажды у него на физике их спёрли. Потихонечку так, Ковалец и не заметил.

Саныч усмехнулся.

– Эти штиблеты в таз сунули и в пруд запустили. Ковалец на улицу босиком выбежал, глядит, а башмаки его тонут. Он их доставать начал. Все собрались смотреть, вся школа. Ковалец сначала пробовал палкой достать, но пруд широкий слишком, не получилось. Ковалец тогда закричал и в пруд прыгнул, поплыл за туфлями, дурила...

Саньч потёр друг о друга ладони, подышал, разогревал пальцы.

– Весь в тине выбрался, над ним все смеяться стали, даже учителя. Он потом так рассердился – два дня в школу не ходил. И прозвище к нему привязалось – Плавунец. Он и раньше смешной был, дурачок дурачком. А потом к нам кино привозить стали, он в него ходить стал, смотрел, как жить правильно надо. Жениться хотел. Алевтина ему нравилась очень, он сватался к ней, я знаю. Раз пять, сватался и сватался, он упрямый. А Алевтина ему отказывала, говорила, что выйдет замуж только за Героя.

Саньч стучал зубами.

– Советского Союза... Вот он и злился. А он храбрый был, по-настоящему. Только ему не везло всё, он всё время старался, а у него не получалось, понимаешь? Пойдём на мост, а он ногу подвернёт. Или операцию отменят. А потом ещё...» (Гл.12, С.246-247)

«– Зато он на фотографиях всегда хорошо получался, – сказал Саньч. – Красивый. Одеколониться любил, а Глебов ему запрещал – чтобы немцы не учуяли...»

Саньч усмехнулся.

– Так то. Ты, Дим, не бойся, всё хорошо будет, – сказал он. – По другому не может... Ковальца вот только жалко – ничего и не увидел. Только жить начал... А он ведь тоже герой. А помнить его не будут, вот что погано.

– Будут, – возразил я». (Гл.12, С.248)

«– Он погиб, – повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все». (Гл.14, С.265)

Лыков

Отрывки из повести «Облачный полк»

«Лыков повар. Плохой, он в керосинке раньше работал, продавцом. Спички, мыло, мука, ячмень, ну, его здесь на кухню и поставили – вроде как к продуктам питания отношение имел – вот и годен. Вот он нам и кашеварит, как умеет, то крупа не доварена, то песок хрустит, про недосол уж никто и не вспоминает. А лук всегда пережжённый. Но у нас никто не ругается, горячо и много – значит и вкусно. Вот и сейчас, шкварки застревали в зубах, лук Лыков пожарить забыл, и порезать забыл, просто забросил в котёл целиком, и он распространился по всей каше, мягкий и разваренный, вместо моркови то ли грибы пересушенные, то ли корешки подозрительные. Еда. Раньше бы меня от этого всего стошнило, сейчас добавки попросил. Бы. Только Лыков и так её приносит, без напоминания. Он нас жалеет, у него то ли внуки, то ли правнуки уже, а мы их ему, наверное, напоминаем».

А дурачок Ковалец на нас покотил, помешал обедне, вот Лыков сразу и расвирепел, настоящий керосинщик, а они всегда немного сумасшедшие – от горючих паров. У Лыкова и вид такой – керосиновый, жёлтый, глаза

впалые, худой, хоть и при кухне состоит. Организм весь насквозь отравлен и пропитан, мясо на костях не задерживается. (Гл.3, С.50)

«Лыков человек почему-то сильный. Я сам видел, как он подводу разгружал – на каждое плечо по мешку с мукой, и ничего, тащит, напевает. И хотя Ковалец сплавщик и тоже парень не хилый, с Лыковым ему, наверное, не сравниться. К тому же Лыков ещё и авторитетный дядечка, он ещё в гражданской участвовал, вес имеет, Ковальцу до него из двух ноздрей не досморкнуть, так что Ковалец прищпорил голос и уже попросил:

– Ты бы лучше шёл всё-таки, Фанера». (Гл.3, С.51)

«Лыков действительно суп уже доварил, поглядел на нас, молча забрал котелки, и выдал уже полными, опять умудрился с горой, похлёбка, а с горой. Не жадный Лыков, хоть и керосинщик.

Похлёбка оказалась как всегда невкусной. Суповые принадлежности уже совсем разварились и не угадывались в ложке, понять, где грибы, где крупа, а где лук не получалось, у Лыкова определенно был талант, наверное, на чемпионате худших поваров он бы занял первое место. Кроме того в котелке болтались комары, сухие еловые иголки и прочий мусор, можно выловить ложкой или хотя бы отогнать в сторону, но у нас никто так не делал. Я раньше ловил, а теперь плюнул, разницы всё равно никакой.

Похлёбка оказалась как всегда невкусной, но ели мы как всегда с удовольствием». (Гл.3, С.72)

«– Он погиб, – повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все». (Гл.14, С.265)

Глебов

Отрывки из повести «Облачный полк»

«Корреспондент раскрыл растерянно рот, Глебов поглядел на меня, щёлкнул языком.

– А куда мне их девать? – спросил он почему-то у Виктора. – Выгнать я нельзя, их убьют сразу. А если не убьют, то в Германию угонят. Домой я их тоже не могу отправить, дом тут совсем не у каждого остался. Да и опасно отправлять, сами знаете. Ко мне каждый месяц сопля какая прибивается, а я тут советская власть, я их определять должен...

Глебов свернул газету вчетверо, хлопнул себя по колену, сказал:

– А на месте они сидеть тоже не хотят, возраст не тот. Вот и воюют...

– Хорошо ведь воюют, – напомнил корреспондент.

– А... – Глебов только рукой махнул. – Это всё не для детей занятие, Виктор, сами ведь понимаете...

– В Древней Руси уже в двенадцать лет на поле выходили, – возразил Виктор. – Это исторический факт.

– Ну, мы же не в Древней Руси, – мягко перебил Глебов, – мы в Советском Союзе. Пацанва должна в школе сидеть, бабы должны щи варить, а воевать должны взрослые. Всё просто». (Гл.3, С.59)

«Мне Глебов всегда почему-то машиниста напоминает, не знаю уж почему, как увижу – так сразу представляется машинист. Наверное, из-за рук. У Глебова они большие и всё время торчат из рукавов. И нос большой, и уши тоже, мосластый человек. И занудливый. Никогда такого не встречал, удивляюсь, что он командир отряда, ему бы корзины плести... Нет, он наверное точно на железной дороге раньше работал, обходчиком. Он и сейчас всё обходит, везде смотрит, проверяет, а раз в неделю с нами уроки проводит. Ну, это он так называет. Рассказывает разное, а потом спрашивает, что мы запомнили. И ещё политические занятия, но это уже не с нами, а со всеми, на политзанятиях мы с Санычем забираемся в дальний угол, играем в шашки, или спим вообще». (Гл.4, С.79)

«– Как будет использоваться электричество через сто лет?

Это у Глебова такая система – он любит задавать вопросы. И почти все вопросы у него про будущее. Вот про ту же Антарктиду рассказал – а потом спрашивает – зачем она нужна? Я вот совсем не мог придумать, зачем этот бессмысленный лёд может понадобиться, а Саныч, конечно, имел своё мнение. Он сказал, что в Антарктиде можно обустроить отличную тюрьму и отправить туда всех гадов. Самых главных, конечно, туда не надо ссылать, их посадят в клетку и будут бесплатно показывать в каждом сортире, а обычных, конечно, в Антарктиду. Там во льдах выплавят для них специальные камеры, и они там станут сидеть, а когда они подышать будут, их сверху просто водой станут заливать – и хоронить не надо.

А теперь вот про электричество Глебову интересно.

– Поезда на нём поедут, – ответил я. – Как метро в Москве. Кино каждому домой проведут... И вообще, электричество везде, наверное, будет». (Гл.4, С.80)

«– Интересно, что Глебов с этим Щурым возится, а? – спросил вдруг Саныч. – Присмотреть за ним велит. Он меня, кстати, не первый раз уже просит. И сам следит.

– Да он за всеми следит, – ответил я. – За мной тоже. Помнишь, когда я болел? Каждый день приходил, здоровье проверял. Он же командир – ему положено». (Гл.4, С.87)

«Глебов в Испании воевал, добровольцем ездил. И Финскую прошёл, у него друзей много». (Гл.4, С.88)

«Глебова почти не видно, голова обмотана бинтом и похожа на осиное гнездо. И ещё какие-то люди, я их не знал, но, кажется, партизаны, бородатые и взгляды злые. На носилках человек, закрыт шинелями. Раненый.

– Глебов! – позвал Саныч.

Бородатый старик вскинул автомат, направил на нас.

– Вы что костер жжёте? – я съехал вниз. – На весь лес же слышно!

Глебов ничего не ответил, уставился на нас дурными мутными глазами, щека дёргается. Контузия, точно». (Гл.11, С.240)

«Глебов кашлял. Пуля пробила грудь и теперь болталась в лёгком, через рот шла кровь, и Глебов сплевывал её через каждые десять шагов». (Гл.12, С.241)

«Собрались у последней бани. Дышали тяжело, всхлипывая. Глебов прислонил к стене пулемёт, привалился сам.

– Надо в лес, за реку, – сказал он. – Сейчас побежите... Оружие держите. Не отстреливайтесь, только бегите, только вперёд. Я скажу когда...» (Гл.13, С.259)

«Меня повело в сторону, я вдруг понял, что сейчас умру, через минуту. Это было какое-то огромное знание, ощущение... невероятное, описать это нельзя, это свалилось вдруг и подмяло, но Глебов оказался рядом. Он схватил меня за ремень и потащил за собой. Рядом бежали, почему-то совсем незнакомый мне человек, и ещё двое справа.

Река всё не кончалась, мы всё бежали, Глебов держал меня за пояс, не давал упасть, а потом я почувствовал под ногами землю, схватился за кусты и пополз вверх». (Гл.13, С.260)

«Снег оказался глубоким, мы застряли, я завалился. В голове стало темно, упал лицом в холод, понял, что не встану. Меня перевернули. Глебов, лицо перепачкано кровью, засохшей, и свежей, и уже тёмной, Глебов очень хотел спать, такие глаза бывают у невыспавшихся, жёлтые, непроглядные. Он схватил меня за ворот фуфайки и поволок, вверх, по крути, застонал, выдернул на берег. Отдышался, поставил меня на ноги, привалил к дереву.

– Идти можешь?! Надо идти!!! Туда!

– Смогу, – ответил я.

– Тогда иди!

– Смогу...

– Вперёд! – крикнул Глебов. – Не оглядываться! Вперёд, вперёд, бегом! Бегом!

Он оторвал меня от березы и подтолкнул, осторожно, стараясь не повалить, бережно, ласково, как отец.

Я сделал несколько шагов, я, конечно же, оглянулся.

Глебов уже переходил реку. Возвращался. Солнце показалось из-за леса, светило ему в бок, по снегу плясала худая нескладная тень с длинными руками». (Гл.13, С.261)

«– Он погиб, – повторил я. - И Глебов. И Ковалец. Все». (Гл.14, С.265)

Алевтина

Отрывки из повести «Облачный полк»

«– Сколько ей лет? – спросил я.

Саныч не ответил.

– Сколько ей лет? – повторил я.

– Наверное, лет семнадцать. Или восемнадцать. А ты как думаешь?

– Семнадцать, – сказал я.

Я не очень хорошо определяю возраст девушек, совсем не умею если честно. Как его вообще определять? По росту?

– С чего ты так решил? – спросил с интересом Саныч.

– Тощая, – ответил я.

– Ну, она же из блокады. Они там все тощие.

– Да у неё по глазам видно». (Гл.4, С.79)

«Землянка Алевтины очень от нашей отличалась. Нет, построены они почти все одинаково, печка при входе, лежанки, окошечко для света, а дальше кто во что горазд. У кого стол настоящий, у кого кресло самодельное, у некоторых на потолке доски откуда-то, печка обязательно, обычно самодельные, конечно, из булыжников сложенные да глиной обмазанные, только труба жестяная, а у некоторых и фабричные, такие маленькие буржуйки.

У Алевтины печка представляла собой нечто среднее – чугунная плита и дверца, стенки и труба из самодельных кирпичей. Грела печка хорошо, с улицы показалось горячо, вообще, в хорошо устроенной землянке теплей, чем в избе, только окон нормальных нет, но к этому быстро привыкаешь, потом в доме с окнами неуютно.

– Добрый вечер, – сказал Саныч чинно.

Алевтина кивнула. Она сидела возле плиты, читала книгу, «Мёртвые души», с белой полосой, тоскливейшая вещь, её в солнечный день читать скучно, а уж в полутёмной землянке...

Алевтина улыбалась, наверное, на месте про Ноздрева, ну, как они в шашки играли, мне эти страницы тоже нравятся.

– А мы в гости к вам, – улыбнулся Саныч. – Не выгоните?

– Проходите, раз в гости, – пожала плечами Алевтина. – Садитесь вон...

Стулья кривые и уродливые, их Щурый делал. Гвозди у нас в цене, поэтому стулья вяжут веревками из ивовой коры, Щурый тоже так поступил. Верёвки разболтались, стулья стояли вкось-перекоось и опасно покачивались.

Мы уселись, причем, я придвинул стул к стене, для лучшей опоры.

Щурый придвинул стол, Алевтина выставила маленький чёрный самовар, похожий на сплющенное яйцо, стаканы в таких же чёрных подстаканниках. Нарезанный серый хлеб в выструганной из капа миске, сахар рассыпью, просто так, на самом деле видимо именины.

– Угощайтесь, гости дорогие, – объявил Щурый и сам первым уместился за стол и стал быстро есть хлеб.

Алевтина за стол не села, осталась на топчане, а мы с Санычем разместились вокруг самовара. Чай оказался с ромашкой и зверобоем, хлеб просто вкусный, я стал пить и потихоньку отщипывать краешки от ломтя». (Гл.4, С.92-93)

«Она почему-то была не в духе, злая немного. Наверное, из-за тесноты – мы пришли, и в землянке сразу стало не повернуться. А может, из-за блокады. Блокадники – они все злые, это понятно. Там почти все поумирали и сейчас умирают. У Алевтины, кажется, мать там». (Гл.4, С.95)

(Ковалец) «Жениться хотел. Алевтина ему нравилась очень, он сватался к ней, я знаю. Раз пять, сватался и сватался, он упрямый. А Алевтина ему отказывала, говорила, что выйдет замуж только за Героя.

Саныч стучал зубами.

– Советского Союза...» (Гл.12, С.246-247)

«– Он погиб, – повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все». (Гл.14, С.265)

Игорь Иванович Щенников

Отрывки из повести «Облачный полк»

«А вон видите, это Щенников с топором идёт, он часы смастерить может. Ну, и оружие чинит, правда...» (Гл.3, С.67)

«Но к оладьям мы приступили не сразу, пришёл Щенников, а с ним ещё несколько человек, Саныч выставил рюкзаки и стал раздавать добычу. Всё доставалось сначала Щенникову, он осматривал каждую вещь и передавал её дальше, по принадлежности, гранаты оставлял себе.

Саныч пребывал в хорошем настроении, подшучивал:

– Знаете, почему Щенников все гранаты себе забирает? Он на каждой гранате остороженько гравировет – «Смерть фашистам». И неприличные знаки ещё.

Глебов кашлянул.

– Игорь Иванович ведь часовщик по профессии, – рассказывал Саныч. – Мастер – золотые-руки, мелкие работы осуществляет с закрытыми глазами. Он и на патронах то же самое производит. Можете посмотреть – на каждой пуле выцарапано «Щенников И.И., с советским приветом». Правда, надо в

лупу смотреть, так не видно. А вы знаете, что он накопил пятнадцать наручных часов и в каждые вмонтировал отравленную иглу с пружиной, сложил эти часы в ящик и подбросил на псковскую дорогу? Фашисты обрадовались, часы поделили – а ровно в час дня иглы вонзились во вражеские запястья! И пятнадцать трупов!

Теперь кашлянул уже Щенников, а мужики поглядели на него ещё с большим уважением.

– А вот, кстати, и часы, – Саныч достал часы. – Но эти часы у нас идут Лыкову... Где Лыков? Нету его?

– Кашу варит, – сказал Щенников. – Давай мне лучше. Мне хорошие часы на самом деле нужны...

Он поглядел на Глебова.

– Я никогда отравленных часов не делал, это он выдумывает всё».

(Гл.6, С.141-142)

«Но дрезина не вернулась. Цокающий звук удалился, и стих, и тут же из под ёлок показался Щенников со своей командой. На плече Щенникова болтался хомут бикфордова шнура, в руках деревянный ящик, мина. У остальных тоже мины, ломики и короткие саперные лопатки, действовали все быстро и слажено. Мины закладывали вдоль насыпи и управились, наверное, меньше, чем за полминуты. Отступали след в след, Щенников последним, аккуратно закрывал следы лопаткой, маскировал бикфордов шнур, всё это он проделывал с ловкостью и аккуратностью опытного часовщика, я позавидовал, всё-таки Щенников молодец, хорошо работает. Наверное, и часы хорошо починял.

Всё.

Щенников скрылся, теперь ждать». **(Гл.9, С.187-188)**

«Щенников хохотал с присвистом, стряхивал щелчком слёзы с паленных кончиков усов, моргал совсем по-мальчишески, щурился». **(Гл.10, С.200)**

«К вечеру вышли к заброшенной делянке, Щенников её, кажется, узнал, в сороковом он в леспромхозе механиком работал, они тут что-то рубили, или торф копали, не знаю. Щенников сказал, что здесь есть сено, колхозникам разрешали косить по углам, они накосили, а вывезти не успели, сено выгнило в первый же год, и никому не нужно сделалось, но переночевать в нём можно, нам вон туда». **(Г.12, С.242)**

«Справа ударила очередь. Щенников сразу упал, и ещё один упал, тот бородатый. Кто-то подхватил уроненный Щенниковым пулемёт». **(Гл.13, С.257)**

«– Он погиб, – повторил я. – И Глебов. И Ковалец. Все». **(Гл.14, С.265)**

Зал
«Партизанский быт»

Партизанский лагерь

«Лагерь у нас на самом деле не очень большой. Меньше футбольного поля, тесно, зато свой родник. И клюква вокруг по болотам, после заморозков сладкая, можно корзину съесть». (Гл. 3, С.70)

Землянка

«От влажности в землянке расплодились ползучки; не знаю, как они правильно зовутся, сколопендры, наверное, Саныч зовет их стасиками. Перед сном приходится жечь махру, а ещё табачным настоем брызгаться, иначе стасики пробираются под одежду греться и при любом движении впиваются в кожу, после чего на укушенном месте вздувается болезненная шишка. Лучше бы уж клопы: те нажрутса быстренько – и спать, не беспокоят до утра; и укусы у них тоже полегче, и вообще... Клопы всё-таки привычные твари, поганые, конечно, но не настолько. Но клопов теперь у нас не водится. Как ползучки появились, так все клопы куда-то делись; Саныч говорит, что стасики их сожрали. Хорошо бы от них что-нибудь найти, дуст какой, керосин-то на них совсем не действует. Или пробку попробовать нажечь, а ещё лучше ногти, жжёные ногти даже тараканов отпугивают...» (Гл.2, С.28-29)

«– А вон там у нас землянки. Видите?

Саныч указал пальцем.

– Нет... – помотал головой газетчик.

– В этом всё и дело. Землянки не потому, что они в земле, а потому, что земля поверху укладывается. И дёрн. А потом трава разрастается, и ничего невидно. Хоть залетайся, сверху ничего не найдёшь. Я сам пять землянок выкопал. Пять!» (Гл.3, С.68)

«Землянка Алевтины очень от нашей отличалась. Нет, построены они почти все одинаково, печка при входе, лежанки, окошечко для света, а дальше кто во что горазд. У кого стол настоящий, у кого кресло самодельное, у некоторых на потолке доски откуда-то, печка обязательно, обычно самодельные, конечно, из булыжников сложенные да глиной обмазанные, только труба жестяная, а у некоторых и фабричные, такие маленькие буржуйки.

У Алевтины печка представляла собой нечто среднее – чугунная плита и дверца, стенки и труба из самодельных кирпичей. Грела печка хорошо, с улицы показалось горячо, вообще, в хорошо устроенной землянке теплей, чем в избе, только окон нормальных нет, но к этому быстро привыкаешь, потом в доме с окнами неуютно.

– Добрый вечер, – сказал Саныч чинно.

Алевтина кивнула. Она сидела возле плиты, читала книгу, «Мёртвые души», с белой полосой, тоскливейшая вещь, её в солнечный день читать скучно, а уж в полутёмной землянке...

Алевтина улыбалась, наверное, на месте про Ноздрева, ну, как они в шашки играли, мне эти страницы тоже нравятся.

– А мы в гости к вам, – улыбнулся Саныч. – Не выгоните?

– Проходите, раз в гости, – пожала плечами Алевтина. – Садитесь вон...

Стулья кривые и уродливые, их Щурый делал. Гвозди у нас в цене, поэтому стулья вяжут веревками из ивовой коры, Щурый тоже так поступил. Верёвки разболтались, стулья стояли вкось-перекоось и опасно покачивались.

Мы уселись, причем, я придвинул стул к стене, для лучшей опоры.

Щурый придвинул стол, Алевтина выставила маленький чёрный самовар, похожий на сплющенное яйцо, стаканы в таких же чёрных подстаканниках. Нарезанный серый хлеб в выструганной из капа миске, сахар россыпью, просто так, на самом деле видимо именины.

– Угощайтесь, гости дорогие, – объявил Щурый и сам первым уместился за стол и стал быстро есть хлеб.

Алевтина за стол не села, осталась на топчане, а мы с Санычем разместились вокруг самовара. Чай оказался с ромашкой и зверобоем, хлеб просто вкусный, я стал пить и потихоньку отщипывать краешки от ломтя». (Гл.4, С.92-93)

«Конечно же, я не уснул. Саныч храпел на своём топчане, громко и счастливо. Громче только часы его тикали. Они висели на палке, торчащей из стены, светились зелёным фосфорным светом и чуть покачивались, когда Саныч начинал ворочаться». (Гл.9, С.176)

Партизанская баня

«Вот это баня, под ёлкой. Баню, или поварню, надо всегда под ёлками ставить, чтобы дым рассеивался. Да лучше вообще всё под ёлками, чтобы невидно. И на трубу ещё из ведра противодым делать. У нас тут отличная баня. Баня для партизана – это самое главное, её строят первым делом. Хотя нет, первым делом нужник». (Гл. 3, С.67)

Партизанская еда

«Последний раз мы ели вчера, в полдень, пшеничную кашу, прихваченную с собой в котелке, ничего, что горелая, так ещё лучше, вкус держался почти до вечера и с утра немного. А сейчас одни воспоминания остались; от холодного осеннего воздуха есть хотелось сильнее, я вертел головой, искал можжевельник, здесь он должен водиться. Собрать ягод, пожевать, голод хорошо перебивает. Можжевельника не встречалось». (Гл.2, С.33-34)

«Лыков повар. Плохой, он в керосинке раньше работал, продавцом. Спички, мыло, мука, ячмень, ну, его здесь на кухню и поставили – вроде как к продуктам питания отношение имел – вот и годен. Вот он нам и кашеварит, как умеет, то крупа не доварена, то песок хрустит, про недосол уж никто и не вспоминает. А лук всегда пережжённый. Но у нас никто не ругается, горячо и много – значит и вкусно. Вот и сейчас, шкварки застревали в зубах, лук Лыков пожарить забыл, и порезать забыл, просто забросил в котёл целиком, и он распространился по всей каше, мягкий и разваренный, вместо моркови то ли грибы пересушенные, то ли корешки подозрительные. Еда. Раньше бы меня от этого всего стошнило, сейчас добавки попросил. Бы. Только Лыков и так её приносит, без напоминания. Он нас жалеет, у него то ли внуки, то ли правнуки уже, а мы их ему, наверное, напоминаем». (Гл.3, С.50)

«Похлёбка оказалась как всегда невкусной. Суповые принадлежности уже совсем разварились и не угадывались в ложке, понять, где грибы, где крупа, а где лук не получалось, у Лыкова определенно был талант, наверное, на чемпионате худших поваров он бы занял первое место. Кроме того в котелке болтались комары, сухие еловые иголки и прочий мусор, можно выловить ложкой или хотя бы отогнать в сторону, но у нас никто так не делал. Я раньше ловил, а теперь плюнул, разницы всё равно никакой.

Похлёбка оказалась как всегда невкусной, но ели мы как всегда с удовольствием». (Гл.3, С.72)

«Вернулись к себе. Саныч зажжёт гильзу, я взялся за печку, растопил за минуту. Теперь я могу растопить печку с закрытыми глазами и очень быстро, и так же быстро вскипятит чайник, насыпал в него сушёного шиповника пополам с брусникой, лучше, чем морковный. Хотя морковный тоже можно, особенно если с голода». (Гл.4, С.87)

«Стали пить чай. Если честно, то мне уже очень этот чай надоел. Шиповниковый надоел, брусничный, смородиновый, из чаги, из одуванчиковых корней, ромашковый, кипрейный, зверобойный, из других разных трав, я раньше думал, что чай – он всегда из чая, а оказалось, его можно заварить из самых разных, на первый взгляд, бестолковых растений. И пить, пить, вместо завтрака, вместо обеда и ужина, и в промежутках тоже. Я ненавижу чай, больше никогда его пить не буду. Молоко буду, воду газированную, лимонад». (Гл.4, С.88)

Партизанский фольклор (пословицы, поговорки, афоризмы)

«Грязь – подруга партизана». (Гл.2, С.29)

«Пацанва должна в школе сидеть, бабы должны щи варить, а воевать должны взрослые». (Гл.3, С.59)

«Поспешай как Ковалец». (Гл.4, С.101)
Не сопи, говорю, живи равномерно» (Гл.9, С.184)
«Партизаны в плен не берут» (Гл.9, С.196)
«Уши сами в треугольники складываются и на почту торопятся» (Гл.3, С.63)

Приложение 3

Зал

«Тактика и стратегия партизанской войны»

Захват пленного

«Гад начал подниматься. Долго это у него получалось – очень трудно встать на ноги в луже, если к тому же у тебя руки за спиной связаны. Но ничего, оперся об осину башкой, справился. И почти сразу же упал снова.

– Мешок надо снять, – сказал Саныч как-то скучно.

– Как? – спросил я. – Он же...

Саныч махнул рукой, потрогал большим пальцем ТТ.

– Ладно... Гад! – Саныч пнул гада в ногу. – Гад, ты меня слышишь?

Гад кивнул.

– Хорошо слышишь. А шагаешь ты что-то не очень... Наверное, тебе видно плохо, да?

Гад отрицательно замотал головой. Ещё бы, понимает. Что если мешок сейчас снимем, то всё, пуля.

Мешок вообще хорошая штука, нарочно для таких случаев. В нём еле-еле видно, только под ногами, ну, может, ещё на метр вперёд. Шагать можно особо не запинаясь, а дорогу не запомнишь, как ни старайся. Саныч придумал. Он рассказывал, что они так раньше в фофана играли. Водящему на голову надевали мешок, давали в руки палку, ну, или плётку, что придётся, а сами по очереди к нему подкрадывались – кто пинка, кто кулаком по хребтине, но самым-самым считалось в лоб влупить. Ну, а водящий отбивался – и кому попало, тот сам водящим становился. Теперь мешок и в других отрядах используют, очень языка удобно в нём водить.

– Плохо видно? – переспросил Саныч.

– Нет! – выдал гад. – Нет, хорошо видно!

Разговорился, сволочь.

– Ну, а если тебе хорошо видно, то шагай быстрее. Фашистам жопу быстро лизал?! А сейчас чего не торопишься?!» (Гл.2, С.31-32)

« – Этот наш дристун Паша, кстати, очень пригодился, правильно, что не шлёпнули. Он, оказывается, на самом деле на железке работал, на грузовом дворе. Где часовые стоят, нарисовал, рожа фашистская, расписание вспомнил. Глебов его в яму пока посадил, может, ещё чего вспомнит полезное.

– А потом? – спросил я. – Куда его?

– Не знаю... Глебов к соседям гонца послал, может им пригодится, станцией они занимаются. А может и нам понадобится для чего. А если не понадобится шлёпнем, конечно, откармливать его что ли... Глебов нам обещал сахара подкинуть, можно петушков нажечь. Ты умеешь?» (Гл.3, С.64)

Разведка

«– Завтра на север идём, – болтал Саныч, поглядывая на облака, – а погода непонятная. Хорошо бы дождь опять, а развидняется, кажется. Там «хейнкель» завалился, вроде как, один местный просемафорил, надо посмотреть – на самом деле фашист, или наш может. Глебов велит сходить, проверить, вдруг что полезное есть. А если наш, то и похоронить надо. Хорошо прогуляемся! Фашисты вряд ли подтянутся, мы раньше успеем... В прошлый раз когда за самолетом ходили, здорово было. Немецкий грузовик рассыпался, все фашисты всмятку, а тушёнка сохранилась. Главное, погода не подвела бы...» (Гл.3, С.64)

«Зачем нас за самолётом посылали?

– За каким самолётом?

– За каким за каким – за тем самым. За немецким грузовиком. Он вроде бы упал, мы его искали-искали – ничего не нашли. Поллеса пропахали.

– Самолёт был, – задумчиво сказал Глебов. – Возможно, он упал в болото, поэтому вы его и не нашли». (Г.4, С.83)

«– Нам ещё три дня шлёпать, пока к аэродрому подберёмся, – сказал он. – Может даже четыре – по такой-то погоде. Лучше нормально переночевать, кости ещё сто раз успеем отморозить. Ладно, как всегда работаем, под беспризорных». (Гл.5, С.104)

Обмен с немцами

«– Непонятно всё равно, – сказал я. – Вот мы, партизаны, шестьдесят седьмой отряд, всё как положено. И идём меняться с фашистами. Это как?

– Тут все просто. Фашисты – они... – Саныч задумался. – Они как бы разные. По вредности. Есть те, которых в первую очередь надо бить – эсэсовцы, егеря, лётчики, артиллеристы там всякие. А есть другие, не совсем настоящие. Вот взять Сталинград.

– Ну.

– Все настоящие фашисты там сейчас сосредоточены, а здесь у нас всякая мелкая погань, полицаи, доходяги германские – тех, которых в армию не взяли, одна нога короче другой. Они воевать не очень хотят, нам с ними тоже особо возиться нечего – только патроны тратить. Наше дело копить силы...

Это он произнёс не очень уверенно, но тут же поправился, прибавил голосу полагающейся строгости.

– Наше дело копить силы для главного удара, – повторил он.

– Зачем тогда рейды устраиваем? – удивился я.

– Я так думаю, для острастки больше, – ответил Саныч. – Чтобы фрицы не наглели. А потом ты заметь, рейды у нас всегда особые. Мост подорвать, или там эшелон, или горючее спалить. Разведка опять же. А управы по селам громить смысла нет.

– Почему?

– Тут просто все... – Саныч поглядел в бинокль. – Просто... Стратегия. Вот, допустим, готовится наступление. Тут мы сидим в кустах и считаем вагоны. Не увеличилось ли количество, не поехало ли больше танков. Взрывать же нам пока ничего нельзя, без приказа. И вот наступление началось. Немцы стали по железке силы свежие перебрасывать – вот тут мы и выходим. Эшелоны опрокидываем, мосты взрываем. Это гораздо важнее, чем фельдфебеля косорылого повесить, знаешь ли. Вообще, тут самодеятельности особой не надо...

Саныч продолжал смотреть в бинокль.

– Самодеятельность вредит, знаешь ли... Ну, прибьёшь ты десяток фашистов, так они сюда карателей подтянут, зондеров всяких, отряд попрिжут, а то и разбомбят. И когда потребуется эшелоны валить, это уже некому делать будет. Ясно?». (Гл.6, С.127-128)

«Зато сейчас у нас организация, каждый отряд своим делом занят. Партизанский край. Фашисты знают, где наши деревни и туда не особо суются. По узкоколейке можно на дрезине спокойно ездить, самолеты прилетают, рация работает, лазарет задумываем, дороги под контролем. Полицаи по норам сидят, почти порядок. Саныч скрипнул зубами, взялся за штык.

Вчера утром он ругался. Кричал, что ему надоело, что он в партизаны пошёл не для того, чтобы с фашистами брататься, что он сейчас пойдёт, расскажет Глебову. И пошёл, и рассказал, а потом вернулся в землянку совсем уж злой, сказал, что нас посылают шарашить и у меня есть пять минут, что Ковалец свинья, пусть бы сам хоть раз попробовал, сволочь... А сейчас вот мне про партизанскую стратегию рассказывает.

Стратег.

– Партизанская война – это тебе не только стрельба, это ещё и разложение». (Гл.6, С.129)

«– Партизанская война – это тебе не только стрельба, это ещё и разложение.

– Что? – не понял я.

– Разложение морального духа. Вот ты думаешь, для чего мы все это сюда притащили?

Он указал на вещмешки.

– На патроны менять, на гранаты... А разве нет?

Саныч помотал головой.

– Не. Патронов и так полно. Гранаты можно, конечно, взять. Но не это важно. Важно то, что эти...

Саньч кивнул в сторону села.

– Эти привыкают, втягиваются. А когда придёт нужный час...

Лицо у Саньча сделалось страшное, я понял, что он явно видит этот час, и всё то, что в этот час случится». (Гл.6, С.130)

«– Это же надо обменять...

Саньч помотал головой.

– Не, – сказал он. – Одну можно слопать. Глебов так всегда велит делать.

– Зачем?

– Разложение опять же. Мы должны выглядеть сыто и довольны, это вселяет страх в сердце врага. Полушубки нам выдали опять же, шапки меховые – пусть знают, кто здесь хозяин.

– Получается, они должны нас бояться и не бояться одновременно? – спросил я.

– Ага. Так лучше всего. Непонятность. Когда непонятность, то до сортира без пушки дойти страшно, не то, что в атаку бежать. Давай есть». (Гл.6, С.130-131)

«Сошлись возле сосны, немец скинул ранец, внутри оружейно громынуло. Гранаты.

– Хорошо, – сказал немец, поглядел на меня с подозрением.

– Гранаты? – спросил Саньч.

– Хорошо.

Немец открыл ранец.

Наши, лимонки. Свои даже и не предлагают, не нужны они никому, кроме самих фашистов. Взрываются медленно. Дёрнешь за веревку, и держи, считай, а если раньше кинешь, тебе её обратно подбросят. А если те раньше времени подбросят, то можно успеть и в третий раз перекинуть, опасно всё это. Наши надёжнее.

Немец запустил в ранец сразу две руки и достал гранаты, как картошку, семь штук, зажав их между толстыми и длинными пальцами, я не люблю людей с такими руками, из них не получают фотографии, зато пулемётчики хорошие.

– Белая? Папиросы? Сало? – кивнул немец на вещмешок, облизнулся.

Саньч предъявил бутылку самогона, воткнул в снег. Я предполагал, что немец станет торговаться, но он не стал, ссыпал гранаты в руки Саньчу, затем достал из ранца взрыватели.

– Хорошо.

Саньч кивнул, передал мне гранаты, я спрятал их в рюкзак. Немец приблизился, протянул запалы. Мне не хотелось к нему прикасаться, никак, и я сдёрнул ушанку, протянул, и тут же понял, как это выглядит – я стою с

протянутой шапкой перед фашистом, но было уже поздно – фашист уже ссыпал в неё взрыватели. (Гл.6, С.133)

«Ещё гранаты, штук десять. Патроны для МП, несколько пачек. Пистолеты. «Вальтер», «браунинг», патроны к ним. Саньч принялся изучать предложенное. Отложил гранаты, взамен выставил бутыль. Немец опять не стал торговаться, и от пробы не удержался». (Гл.6, С.134)

«... Это трофеи, всё по праву. Вот у тебя же «шмайссер» есть? Ты из него стреляешь – и ничего. А шоколадка это шоколадка... Почти то же самое, что граната. Весит мало, а толку много. Потом... Знаешь, мне сам Глебов велел, ну, чтобы шоколад, если получится, добыли. Для разведчиков. Им нужно хорошо питаться, чтобы в обморок на переходах не падать. Так что вот. Понятно?» (Гл.6, С.139)

Подрыв эшелона. Бой

Глава 9